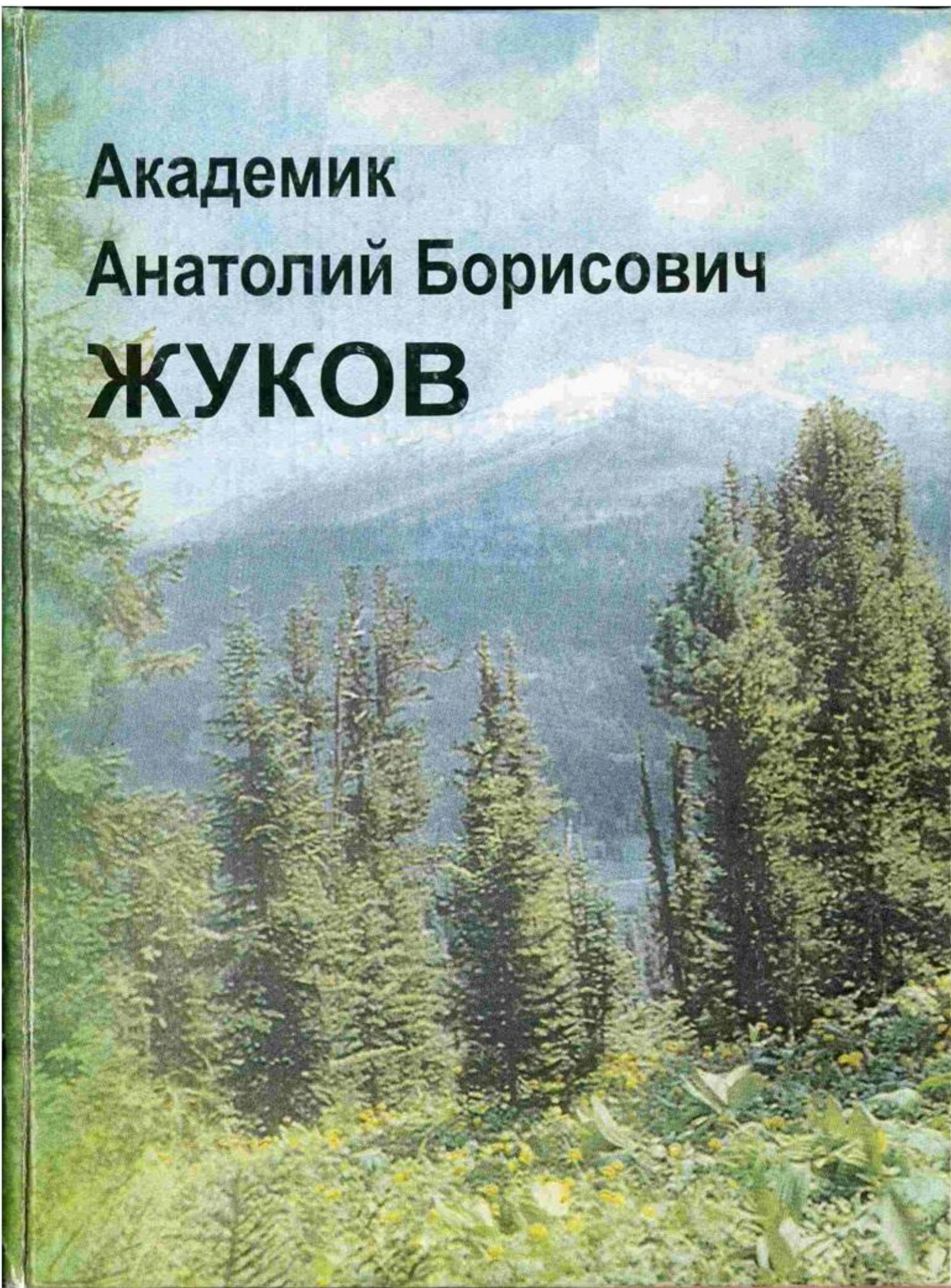

**Академик
Анатолий Борисович
ЖУКОВ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЛЕСА им. В. Н. Сукачева

**Академик
Анатолий Борисович
ЖУКОВ**

материалы к биографии, очерки,
воспоминания современников

КНЦ СО РАН
Красноярск
2003

УДК 634.0.2

Книга содержит материалы о крупном отечественном лесоводе, Заслуженном деятеле науки РСФСР, действительном члене АН СССР, организаторе и руководителе Института леса и древесины СО АН СССР (1959-1977), первом академике Красноярья (1966), докторе сельскохозяйственных наук, профессоре Анатолии Борисовиче Жукове. В ней помещены сведения о жизненном пути (1901-1979), воспоминания сотрудников института и других авторов, соприкасавшихся с многогранной деятельностью А.Б. Жукова. Они создают образ разностороннего ученого, блестящего организатора науки, опытного руководителя, общественного деятеля, мудрого воспитателя, справедливого и доброжелательного человека.

Утверждено к печати
Институтом леса им. В.Н. Сукачева СО РАН

Жуков

Е.С. Петренко

Жизнь, посвященная лесному делу

Анатолий Борисович Жуков, бесспорно, принадлежит к славной когорте крупных отечественных лесоводов. Более четверти века (1930-1956) он руководил научными коллективами исследовательских институтов трех самых лесных республик СССР: Российской Федерации, Украины, Белоруссии. В 1959 году он осуществил перебазирование Института леса АН СССР в Сибирь, на его основе организовал Институт леса и древесины СО РАН, сформировал научное ядро института, определил основные направления исследований и создал реальные предпосылки для его развития. Тем самым Анатолий Борисович сохранил первый институт лесного профиля в Академии наук.

А.Б. Жуков – ровесник века. В его биографии нашли отражение черты этого исторического периода, характерные для нашей страны: революции, решительные преобразования, энтузиазм обновления, испытания военных лет, созидание и продвижение по пути прогресса, социальные и политические особенности общественного строя.

Родился Анатолий Борисович 6 августа 1901 года в Харькове. Харьковщина стала колыбелью многих известных лесоводов: В.Н. Сукачева, М.Е. Ткаченко, В.П. Тимофеева, П.С. Погребняка. На их выбор профессии, бесспорно, повлияло трепетное отношение к лесу в этом степном крае.

Более прочные корни связывают семью А.Б. Жу-

кова с Поволжьем. Дед его матери имел отношение к Волжскому пароходству, Обществу «Русь». По отцовской же линии просматривается непосредственная причастность к лесу. Прадед Анатолия Борисовича, поляк Эдуард Белевский – дипломированный лесовод, был лесничим Первого Кузнецкого казенного лесничества в быв. Пензенской губернии. Его дочь, Ольга Эдуардовна вышла замуж за Василия Ивановича Жукова – деда Анатолия Борисовича. Она плохо владела русским языком, родила 13 детей, обогатив Анатолия Борисовича тетками и дядьми.

Василий Иванович специального образования не имел, какое-то время работал в земельном банке, а затем, освоив у тестя приемы лесного хозяйствования, служил лесничим у помещика А.В. Асеева.

Отец Анатолия Борисовича – Борис Васильевич закончил уездное двухклассное училище, подрабатывал у своего деда, который обучил его таксации и угломерной съемке. Некоторое время он работал межевщиком (помощником таксатора) в Саратовском лесном удельном округе под началом известного лесного специалиста барона А.А. Крюденера.

Первые реальные представления о лесе Анатолий Борисович получил еще в детстве. Дед часто брал его с собой в лес, где сажали сосну, гнали смолу из пневого осмола, производили березовый деготь. Показывал лесничий и приемы отбора деревьев при выборочной рубке «с вершком». По рассказам Анатолия Борисовича, дед его был фигурой колоритной: носил усы и бороду, не пил и не курил, был крут и, как выражалась бабушка, «нехорошо разговаривал с рабочими». С болью вспоминал Анатолий Борисович о трагической гибели деда, который был зарублен топором сослуживцем.

Детские и юношеские годы Анатолия Борисовича

не были безмятежными. В самом начале Первой мировой войны его отец был призван в армию. В чине фельдфебеля он служил в корпусной артиллерией и был демобилизован уже из рядов Красной Армии в 1921 году. У Анатолия Борисовича было две сестры, Лидия – на год старше его, а Валентина – на год младше. Семья не имела собственного жилья, часто меняли квартиры, выбирая подешевле. Экономили на всем, выживали благодаря умению матери Александры Гавриловны (урожденной Хлебниковой) преодолевать бытовые трудности (самой варить мыло и т.п.).

Среднее образование Анатолий Борисович получил в Харьковской второй мужской казенной гимназии, куда принимали детей железнодорожников и приказчиков. Гимназию он закончил с серебряной медалью, знания получил прочные: даже в последний период жизни мог декламировать на языке подлинника древних поэтов. Как следует из его анкеты, он читал и переводил со словарем с немецкого, французского, английского, польского, на украинском и белорусском говорил свободно. Хорошую подготовку он получил и в других разделах знаний и поэтому свободно ориентировался в смежных науках. Учеба в гимназии проходила в годы бурных событий: в конце ноября 1917 года в Харькове установилась советская власть, в следующем году город оккупировали германские войска, затем захватили деникинцы. И только в конце 1919 года он был освобожден Красной Армией.

После окончания гимназии, в феврале 1919 года Анатолий Борисович устроился на работу, пайка ради, счетоводом на соляной склад Харьковского Губпродко-ма. В августе того же года он поступил в Харьковский институт сельского хозяйства и лесоводства. Это – один из старейших отечественных институтов, готовивший

лесоводов. Его история началась в 1816 году с агрономического института вблизи Варшавы. В 1863 году он был переведен в Новоалександрию (Польша) и стал институтом сельского хозяйства и лесоводства. Как Новоалександрийский институт он и был эвакуирован в 1914 году в Харьков и оставался таковым до 1921 года. Институт обладал прекрасными кадрами преподавателей. Их имена широко известны лесоводам нашей страны. Анатолий Борисович слушал лекции первоклассных профессоров: таксатора и лесовода Б.А. Шустова, лесоустроителя А.Г. Марченко, энтомолога И.К. Тарнани, орнитолога В.Г. Аверина. Курс лесоупотребления, статистику и государственное лесное право читал И.И. Сурож, с основами лесохимии студентов знакомил В.В. Шкателов (будущий академик АН Белоруссии). Спустя многие годы Анатолий Борисович вспоминал о них с благодарностью.

Учеба в институте отчасти носила факультативный характер, учился тот, кто хотел. В 1920-21 гг. Анатолий Борисович совмещал учебу с работой статистиком в Управлении южных железных дорог, а в 1922-23 гг. – таксатором в Харьковском губернском управлении лесами. Лесоустроители платили стипендию, которую Анатолий Борисович возвращал ужу после окончания института.

После окончания курса обучения, в 1923 году он был направлен на работу в Тростянецкое опытное лесничество (Сумская обл.) лесничим и лесоводом – исследователем. Профиль опытных лесничеств тогда еще не определился, что давало простор инициативе. Лесничества вели рубки и занимались реализацией древесины (торгами). Возникла необходимость проведения сравнительно-го анализа не только лесобиологической, но экономической эффективности различных рубок: узкими лесосеками, группово-выборочных, постепенных, по системе

Корнаковского, сплошных рубок с шириной лесосек 60 и 100 саженей. Уже в те годы проявилась способность Анатолия Борисовича сочетать исследования с практическими задачами. Много позже он выражал уверенность в том, что и теоретические задачи намного успешнее решаются при выполнении крупных прикладных работ.

Сравнительное изучение культур ели, обыкновенной и веймутовой сосен, лиственницы заставило задуматься об особенностях строения древесины и достоинствах этих пород. Этот интерес был реализован в исследовании физико-механических свойств древесины, которое было проведено с использованием лучшего в то время оборудования. Эти работы, в которых свойства древесины разных пород сопоставлялись с условиями их прорастания, были одними из первых в стране, их результаты вошли в учебники.

После окончания института связь с кафедрами не прерывалась. Общение проходило в форме бесед, семинаров, обзорных лекций. Кроме профессоров института, с ними выступали такие крупные ученые как М.Е. Ткаченко, Н.П. Кобранов, Е.В. Алексеев, Е.Ф. Вотчал. Научно-исследовательской кафедрой лесоводства заведовал будущий академик ВАСХНИЛ и АН УССР Г.Н. Высоцкий. После получения диплома об окончании института (1924 г.) с квалификацией лесовод-организатор, Анатолий Борисович был приглашен Г.Н. Высоцким в заочную аспирантуру. Под его руководством он исследовал особенности семенного и порослевого возобновления дуба. Они нашли отражение в научных публикациях тех лет. В стране тогда еще не было ученых степеней, и аспирантура завершилась справкой, выданной Наркомпросом Украины, о присвоении А.Б. Жукову звания научного сотрудника.

В 1928 году Анатолий Борисович был назначен

заведующим лесотехническим отделом Центральной лесной опытной станции Украины. Здесь, кроме продолжения предыдущих исследований, изучалось влияние подсочки сосны на плодоношение деревьев, на прирост древесины и ее технические качества. Анатолий Борисович уже в те годы понимал значение многолетних экспериментов. Им были созданы разнообразные типы лесных культур и заложены опытные участки, на которых разрабатывались способы рубок ухода. Их значение со временем только возрастает.

Широта научных интересов Анатолия Борисовича в первые годы его самостоятельной работы и их оценка убеждают в том, что в каждом из научных направлений он мог достигнуть первостепенных результатов и стать лидером. Однако вскоре свои личные научные планы он вынужден был подчинить более важной задаче – организации лесной науки.

В 1930 году на базе Центральной лесной опытной станции Украины и кафедры лесоводства Харьковского института сельского хозяйства и лесоводства был создан Украинский научно-исследовательский институт лесного хозяйства и агролесомелиорации УкрНИИЛХА. Объявив леса общенародной собственностью, государство принимало меры для научного обеспечения ведения в них хозяйства. С этой целью в стране создавалась сеть отраслевых НИИ. В новый институт Анатолий Борисович был приглашен заведующим отделом лесоводства. Для развертывания исследований катастрофически не хватало средств. Их поиск был безрезультатным. И тогда Анатолий Борисович, как один из наиболее активных сотрудников, был командирован директором в Москву. Вначале он попал на прием к Н.И. Бухарину, который благожелательно его выслушал, но денег не выделил. Успех пришел после изложения просьбы о помощи лесному науч-

ному институту Председателю ВСХН Г.К. Орджоникидзе.

Добившись существенных дополнительных ассигнований, Анатолий Борисович невольно определил свою дальнейшую судьбу. Он сразу же был назначен вторым заместителем директора института, а спустя короткое время стал и единственным, так как Г.Н. Высоцкий – первый зам. запросился по возрасту в отставку. С тех пор А.Б. Жуков, по его словам, «влез в административный хомут». Руководящую работу он всегда старался сочетать с творческой. В УкрНИИЛХА Анатолий Борисович трудился до конца лихого 1937 года. Почти в каждом учреждении происходили мрачные события. Обвиненный в украинском национализме, вынужден был срочно перебазироваться в одну из кавказских республик директор института, переквалифицировавшись в специалиста по плодоводству. Был арестован товарищ Анатолия Борисовича по учебе и совместной работе в Тростянце и Центральной лесной опытной станции П.К. Фальковский, сын лесника, бывший штабс-капитан, участник войны на турецком фронте, единственный, кто на курсе получал стипендию, талантливый исследователь. Он исчез в бурном водовороте тех лет. С риском для собственного благополучия его судьбу неоднократно тщетно пытался выяснить Анатолий Борисович.

Некоторое время Анатолий Борисович работал заместителем директора Мокначанской лесной опытной станции, а в 1938 году был назначен заместителем директора БелНИИЛХа. В Белоруссии он продолжил исследования морфологических изменений, которые возникали под влиянием изреживаний насаждений, разрабатывал рекомендации по рубкам ухода в дубравах водоохранной зоны. Большой материал (более 800 образцов) был накоплен в процессе изучения физико-механических

свойств древесины различных пород. Итоги многолетнего изучения закономерностей формирования физико-механических свойств древесины под влиянием природных условий разных географических районов легли в основу рукописи докторской диссертации. К сожалению, она была утеряна в военные годы.

Анатолий Борисович возглавил под бомбежкой эвакуацию БелНИИЛХа в Бузулукский бор (Оренбургская обл.). В короткий период была налажена его работа, ориентированная на запросы военного времени. В 1942 году он был назначен заместителем директора ВНИИЛХа. Его усилия были направлены на восстановление сети исследовательских станций, а также разработку нормативных документов, дифференцирующих леса по их значению, упорядочению пользования ими, способствующих сохранению их средообразующей роли.

Опыт работы Анатолия Борисовича в южных лесах особенно был востребован в 50-х годах, когда развернулся масштабный «сталинский» план преобразования природы. Создание в степи лесонасаждений разного назначения: для защиты колхозных полей от эрозии, создания преград с помощью, так называемых «государственных полос», на пути суховеев юго-востока, осуществлялось ударными темпами, часто без научного сопровождения и даже вопреки рекомендациям ученых. Особенным нападкам подверглось разработанное академиком В.Н. Сукачевым представление о лесном биогеоценозе, как природной системе, функционирующей при взаимодействии ряда факторов. Анатолий Борисович в журнале «Лесное хозяйство» 1952, № 10 выступил против огульного отрицания теории биогеоценоза, созвучной с идеями В.В. Докучаева и Г.Ф. Морозова.

Новый этап в жизни А.Б. Жукова начался в 1956 году, когда он принял приглашение академика

В.Н.Сукачева и перешел в Институт леса АН СССР. Он сразу же воспользовался возможностями академического института в комплексном исследовании проблем, возглавил северную экспедицию и стал успешно реализовывать представление о необходимости специализации ведения лесного хозяйства в различных регионах страны. При этом учитывались как ресурсные, так и экологические, и экономические особенности территорий. Научные и гражданские позиции Анатолия Борисовича пользовались одобрением всей лесной общественности. Не случайно, когда в конце 1958 года, принципиальные позиции института, выступавшего против извращений теоретических основ биологии и эволюции живого мира, приняли организационные формы в виде решения о его перебазировании в Сибирь, директором – организатором института в новых условиях мог стать только Анатолий Борисович. Влившись в состав Сибирского отделения АН СССР институт, превратился в наиболее крупное и квалифицированное учреждение, пользующееся признанием лесоводов во всем мире.

На приглашение А.Б. Жукова принять участие в исследовании лесов Сибири откликнулись ученые из Москвы, Ленинграда, Новосибирска. Впоследствии ими были созданы в институте научные школы лесоводства, лесной пирологии, экономики лесного хозяйства, лесной микробиологии, лесной картографии. В состав института влились выпускники вузов Москвы, Ленинграда, Томска, Новосибирска, Красноярска. В течение 4-5 лет был сформирован работоспособный коллектив исследователей-энтузиастов. Этому способствовало внимание директора, обращенное к каждому исполнителю, и непосредственное участие А.Б. Жукова в выборе объектов долговременных исследований в Западном Саяне, в лесах бассейна озера Байкал и др.

Анатолий Борисович четко определил задачи института в Сибири: выявить особенности сибирских лесов и создать научные основы их использования и воспроизведения. Десятки экспедиционных отрядов были направлены в различные ландшафтно-экологические районы Сибири, была создана сеть стационаров. Получаемая информация анализировалась на заседаниях Ученого совета института с активным участием всего коллектива. Через 5-7 лет институт начал «выдавать» предложения, которые составили нормативную базу ведения лесного хозяйства в Сибири. До этого правила хозяйствования в лесу не делали различий между лесами европейской части страны, Урала и Сибири. Вскоре институт возобновил и координационную деятельность путем проведения Всеобщих совещаний и конференций, был наложен выпуск научной продукции в виде книг и тематических сборников. Позиции института приобрели заслуженный авторитет.

В 1966 году Анатолий Борисович был избран действительным членом АН СССР. Такого высокого научного звания в нашей стране лесоводы ранее не удостаивались. Его научный авторитет стал общепризнанным. Это незамедлительно было использовано в интересах лесной науки. Под редакцией Анатолия Борисовича в 1966 – 70гг был издан 5-томный труд – «Леса СССР». К его подготовке были привлечены специалисты всех «лесных» территорий Союза. В этой научной сводке впервые по республикам, краям и областям были обобщены сведения о природе лесов, их продуктивности, состоянии и перспективах развития лесного хозяйства. Работа над пятитомником показала насколько необходима коллективная оценка лесоводами страны состояния лесных дел, разработка взвешенных направлений рационального использования лесных богатств.

В 1972 году, по инициативе Анатолия Борисовича, в Академии наук СССР был создан Научный совет по проблемам леса. На него была возложена координация всех исследований в стране в лесной сфере. Создание Совета подчеркнуло важность теоретических и практических разработок лесных проблем в нашей самой лесной стране. Оно с одобрением было встречено лесной общественностью, которая выражалась в готовности «сверять» свои работы с общими проблемами лесной науки. Научный совет в первые же годы стал организатором совещаний, конференций по самым актуальным проблемам: дифференциации лесного покрова, повышения продуктивности лесов, защиты их от повреждений огнем и насекомыми, средообразующих функций леса.

А.Б. Жуков с 1970 года дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР. Свои депутатские полномочия он использовал для отстаивания правового статуса лесов страны как ее национального достояния. Он один из первых оценил тенденции формирующегося взгляда мирового сообщества на леса как важную часть биосфера Земли. Перед сотрудниками института онставил задачу «не отстать» от экологической оценки лесов учеными других стран. Экологический подход к решению лесных задач наиболее ярко проявился в исследованиях института лесного покрова бассейна озера Байкал. Приоритетным было признано ведение лесного хозяйства в этом уникальном регионе не на ресурсной, а на водоохранно-защитной основе. Анатолий Борисович предложил, наряду с существующим представлением о ресурсной продуктивности лесов (выход древесной продукции с единицы лесной площади за определенное время) ориентироваться также на экологическую продуктивность. Под ней подразумевалось оптимальное выполнение лесными насаждениями средообразующих функций. В этом смысле

ле, например, лесная растительность с относительно небольшим запасом древесины вдоль рек, но эффективно защищающая почву от размыва, разрушения, или низкорослые леса северных районов, следует считать не только ценными, но и продуктивными. Такой подход в наши дни стал общепризнанным при оценке лесов нашей планеты, что отражено в специальном документе, принятом в 1992 на известном мировом форуме в Рио-де-Жанейро.

Возглавляемый А.Б. Жуковым Института леса и древесины превратился в квалифицированный центр лесной науки. Защитить в его Совете докторскую диссертацию было очень престижно. Этим воспользовались ученые не только России, но и Украины, Белоруссии, республик Прибалтики, Закавказья.

На протяжении многих лет Анатолий Борисович входил в состав Научно-технических советов Министерства лесного хозяйства РСФСР и Государственного комитета лесного хозяйства СССР, неоднократно возглавлял делегации нашей страны на Мировых лесных конгрессах.

Нельзя не отметить также огромную роль Анатолия Борисовича в развитии научных учреждений биологического профиля в Сибири и на Дальнем Востоке. Как председатель Объединенного ученого совета по биологическим наукам Сибирского отделения АН СССР, член Президиума СО АН СССР (1959-1979), первый председатель Научного совета АН СССР по проблемам леса (1972-1979), главный редактор академического журнала «Лесоведение» (1967-1979), он настойчиво добивался открытия новых институтов в Иркутске, Новосибирске, Владивостоке. На заседаниях возглавляемого им совета защитили докторские диссертации многие известные ученые.

Анатолий Борисович скончался 22 сентября 1979

года и похоронен в Москве на Новокунцевском кладбище. На здании Института леса в Академгородке установлена мемориальная доска с его барельефом. В день его рождения ежегодно ее украшают живые цветы.

Трудовая деятельность А.Б.Жукова было отмечена двумя Орденами Ленина, другими орденами и медалями. Его имя, наряду с другими именами основателей Сибирского отделения, носит одна из премий, учрежденных Президиумом СО РАН для поощрения молодых ученых. Самой же высокой наградой для ученого такого масштаба является востребованность его научных трудов и успешная деятельность созданного им научного коллектива.

Биография обозначает лишь основные вехи жизни, сопровождаемые достижениями и признанием, но лишь отчасти раскрывает характерные черты человека. О них дают дополнительное представление поведение в различных ситуациях, привычки, увлечения, отношение к людям. Этим важны воспоминания, сохранившиеся в памяти тех, кто работал или общался с Анатолием Борисовичем.

* * *

Впервые об Анатолии Борисовиче Жукове я услышал от моего учителя, заведующего кафедрой защиты леса Московского лесотехнического института Алексея Ивановича Воронцова. Он рекомендовал участникам кафедрального студенческого научного кружка обратить внимание на появившуюся в журнале «Лесное хозяйство» статью в защиту взглядов академика В.Н. Сукачева

на лесной биогеоценоз. Они подвергались грубым нападкам и позиция А.Б. Жукова – автора статьи, тогда, в 1952 году, в период торжества «учения» Т.Д. Лысенко, поддерживаемого официальными властями, имела большой резонанс. В начале 1955 года я получил открытку от А.Г. Гаеля, руководителя песчаного отряда Института леса АН СССР, в составе которого я проходил преддипломную практику в Урдинских песках. Он рекомендовал мне посетить ВНИИЛХ, где профессор А.Б. Жуков должен выступить с сообщением о IV Мировом лесном конгрессе в Индии.

Небольшой зал был заполнен. Ровно в обозначенное время на сцену энергичной походкой вышел коренастый человек и сразу же стал рассказывать о своих впечатлениях. После моего окончания института прошло меньше года, и я еще хорошо помнил некоторых лекторов, свободно излагавших свои предметы. Но ведь они это делали ежегодно, двигаясь по накатанной колее. Здесь же я увидел блестящую увлекательную по форме импровизацию, насыщенное интересными деталями повествование о «хождении за три моря». Анатолий Борисович подробно рассказал и о длинном пути через Европу и Африку (одного Парижа хватило бы для потрясения воображения слушателей), и о работе конгресса, участии в нем нашей делегации, доброжелательном к ней отношении лесоводов всех стран. С тех пор, на протяжении более двадцати лет я не переставал восхищаться умением Анатолия Борисовича доступно и интересно высказывать свое отношение к различным событиям, задачам, проблемам.

В 1956 году, когда я уже работал в Институте леса и снимал угол в крестьянской избе в Успенском, куда перебазировался институт из Москвы, стало известно, что заведующим отделом лесоводства приглашен профессор

А.Б. Жуков. Его приход в институт стал заметным событием. До этого усилия коллектива были сосредоточены на решении задач «сталинского плана преобразования природы». Для этого нужны были специалисты, исследовавшие возможности роста леса в степи: почвоведы, физиологи растений, микробиологи, селекционеры, геоботаники. После смерти Сталина (1953 год) все становилось на свои места, и институт поворачивался лицом к лесной зоне, приступал к решению проблемы повышения продуктивности лесов. Вот здесь то опыт и знания лесовода А.Б. Жукова и стали востребованы в полной мере.

Его выступления на заседаниях Ученого совета сразу привлекли внимание конкретностью и оценкой обсуждаемых вопросов с точки зрения лесовода. Это контрастировало с многословием многих академических институтских старожилов. Его позиции не оставались без внимания, о них спорили, равнодушных не было. Он легко влился в коллектив, хотя в условиях конфронтации с лысенковцами, к формированию кадрового состава в институте относились с повышенной бдительностью. Анатолий Борисович быстро был признан «своим», чему немало способствовали черты его характера: коммуникальность, отсутствие и тени превосходства, основанного на его чине и звании. Из Успенского до платформы Перхушково, откуда до Белорусского вокзала в Москве добирались на электричке, сотрудников подвозил небольшой институтский автобус и две-три экспедиционные грузовые машины. Автобусы заполняли дамы и почтенные доктора – профессора. Анатолий Борисович же по спортивному лиху забирался под тент грузовика, где размещалась шумная молодежь.

Непосредственное общение с Анатолием Борисовичем произошло несколько позднее. В 1957 году, ин-

ститутский комитет комсомола, в котором я был секретарем, решил впервые провести конференцию молодых ученых. Куратором и председателем попросили быть А.Б. Жукова. Он охотно согласился и внимательно слушал все выступления. Попутно он расспрашивал меня о каждом выступающем. Это было не праздное любопытство. В этом проявился принцип: он считал важным и обязательным иметь реальное представление о каждом члене коллектива, в котором работал. Когда пришло время собирать команду для воссоздания института в Сибири, о многих молодых он уже знал не понаслышке.

В августе 1959 года Анатолий Борисович посетил Якутский стационар. Институт в том году только начинал перебазирование в Сибирь, проводил первую рекогносировку, определял места будущих исследовательских баз, а на Якутском стационаре, начиная с 1952 года, уже велись исследования. Долгое время стационар был единственной опорной базой института, расположенной в лесах на вечной мерзлоте. Организатор стационара – знаток якутских лесов, первоклассный экспериментатор, Лев Константинович Поздняков развернул климатическое, гидрологическое, лесоводственное изучение особенностей лесообразовательного процесса в криолитозоне, занимающей значительную часть Сибири. Анатолий Борисович в Якутии был впервые и с большим интересом знакомился со всеми исследованиями. Я в 1959 году также впервые попал на стационар. Анатолий Борисович, попросил и меня ознакомить его с моими энтомологическими исследованиями, а также с опытами по химической подсушке древесины лиственницы «на корне». Несколько часов экскурсии сопровождались массой вопросов не только энтомологической, но и лесоводственной направленности. И это был не экзамен, а доброжелательная беседа. Мне было очень приятно, когда в конце года,

делая ставший затем традиционным анализ достижений, он отметил и «интересные работы по лесозащитной тематике, впервые начатые в Якутии». Такие знаки внимания очень вдохновляли молодых сотрудников.

В дальнейшем я часто общался с Анатолием Борисовичем и как председатель месткома, и как секретарь парторганизации, и как заведующий лабораторией, а с февраля 1973 г. и как его заместитель. Общения стали частыми и продолжительными, как во время поездок в Новосибирск, так и во время прогулок в Академгородке. Анатолий Борисович был замечательным рассказчиком и охотно отвечал на вопросы. В 1971 году я готовил статью, связанную с его 70-летием. Воспользовавшись этим, я подробно расспрашивал его о детстве, годах учебы, работе лесничим. У него была цепкая память, он помнил поименно всех, кто встречался на его жизненном пути, и давал многим яркие характеристики.

Представление о времени, в котором жил человек, могут дать разные характерные его особенности. Среди них – слова и выражения, впоследствии устаревшие, а то и забытые. Когда Анатолий Борисович хотел подчеркнуть, что результат получен совсем не тот, который предполагался, или более того, произошла «промашка», он говорил: «Ну, елки-палки, убили бобра». Тональность была понятна, но образные средства интриговали. Спросить его об этом как-то не пришлось. Позже это выражение встретилось в романе «Гарденины» А.И. Эртеля, писателя, который был очень популярен в конце XIX, начале XX века. Его «народный язык» высоко ценил Л.Н. Толстой, называя его «удивительным по верности, красоте, разнообразию и силе». Как всегда помог В.И. Даляр. «Убить бобра – убить вместо бобра свинью» и получить совсем не тот мех... Так говорили только в начале прошлого века.

* * *

Дорога в гимназию, в которой учился Анатолий Борисович, проходила мимо длинного глухого забора, из-за которого постоянно раздавался грохот. Там клепали котлы. Однажды, после каникул обнаружилось, что прежнего грохота нет, хотя чувствовалось, что производство не заброшено. Оказалось, что наступила эпоха электросварки, связанная с именем Е.О. Патона.

* * *

На вопрос, известно ли ему, почему в Красноярске на здании Института физики барельеф Д.Л. Ландау, последовал ответ: «Не знаю, хотя хорошо помню, как играл с ним в волейбол. Их физический институт и УкрНИИЛХА в Харькове располагались рядом, и в обеденный перерыв мы часто сражались. Я помню Л. Ландау, он был высокий и худой, играл хорошо, но мы все равно их обыгрывали. Физическая подготовка у лесников была лучше».

* * *

Анатолий Борисович в быту был скромен и неприятзателен.

Некоторое время в Академгородке он жил один. В те годы с продуктами было сложно. Все попытки подключить его к какой-нибудь столовой, чтобы обеспечить регулярное питание, решительно им отвергались. - «А зачем, говорил он, - я сам себе готовлю». Как-то, во время воскресной прогулки по лесу он спросил: - «Ну, и что Вы делали утром?» Я ответил, что готовил обед (жена моя находилась в больнице). - «И что же Вы готовили? - «Что еще может готовить украинец, конечно же, борщ». Анатолий Борисович улыбнулся и сказал: «Борщ – это

хорошо, но сложно и долго. А я варю суп». - «А какой суп?» Он засмеялся и сказал, что «суп фирменный» и название пока не имеет», а, увидев мое недоумение, разъяснил: «Все просто, я кипячу воду, добавляю соли и смотрю, что у меня есть в запасе. Есть лапша – бросаю в кипяток лапшу, гречка – добавляю гречки, затем – пару картошин, лавровый лист, луковую заправку и ... суп готов». Незадолго до этого в поезде попутчик-полковник рассказал мне, как пытаются вьетнамские солдаты в боевых походах в джунглях. Они каждый день получают горсть риса и кладут ее в котелок. Затем по ходу движения внимательно оглядывают тропу и бросают в котелок все, что растет, цветет, ползает и летает. На привале в котелок добавляют воды, и после непродолжительного кипячения еда готова. Выслушав это, Анатолий Борисович заметил, что можно суп, который он готовит, назвать и вьетнамским, а затем добавил: «Похоже, я там тоже не пропал бы без еды».

Как-то он почувствовал недомогание, его как депутата Верховного Совета СССР, сразу поместили в ЦКБ. По возвращении из больницы, на вопрос: «Как там, в знаменитой лечебнице?» Анатолий Борисович ответил, что лечат и обслуживают хорошо, но клиенты очень капризные, избалованные. В палате на двоих его сосед, явно какая-то «шишка», вечером не мог долго заснуть и стал часто вызывать медперсонал, благо кнопка вызова «под рукой». Снотворное ему не помогало, «больной» раздражался и снова и снова повторял вызовы. Анатолий Борисович, желая успокоить соседа, посоветовал ему почитать книгу, после чего может быть, появится и сон. Последовал раздраженный ответ, что сон может прийти лишь утром, а спать надо ночью, иначе не восстановятся силы. Анатолий Борисович, наивно заметил: «Ну, и что, поспите утром, Вам ведь завтра в поле не пахать и не ко-

сить...» Сосед обиделся, отвернулся, а на следующий день стал выяснять, кто это с ним в палате, и как он вообще оказался в ЦКБ.

Из Новосибирска в Красноярск иногда приходилось ездить не только в купейных, но и в плацкартных и даже общих вагонах. Часто, особенно зимой, в вагонах была скученность пассажиров и явный дефицит свежего воздуха. Это вызывало тревогу: как будет чувствовать себя далеко не молодой Анатолий Борисович. Он же никогда не раздражался и на вопрос: - «Ну, как?» - отвечал, что «хорошо, тепло, а главное едем домой». Беспокойство о такой концентрации запахов, которая вполне выдержала бы инструмент и потяжелее топора, Анатолий Борисович рассеял. Улыбаясь, он сказал, что ему легче, так как у него отсутствует обоняние. Когда-то донимал его насморк, и одна гражданка (персона была очерчена более ярко) присоветовала ему промыть нос крепким раствором соли... С тех пор он не ощущал запаха цветов и общих вагонов.

* * *

Анатолий Борисович во всем знал меру, кроме, пожалуй, курения. Курил он часто, особенно, когда сталкивался с решением сложной или неприятной задачи. Иногда, правда, курил и явно ради удовольствия, на прогулке. Хотя я имел возможность неоднократно присутствовать за праздничным столом, ни разу не видел его «под хмельком». Он очень четко знал свою норму. Однажды мы стояли в коридоре купейного вагона, поезд шел бойко, и вагон мотало. Двери вагона с шумом раскрылись, и в нашу сторону стал с трудом пробираться офицер. Он был «хорош» и его швыряло от стенки к стенке. Когда он нас миновал, Анатолий Борисович сказал, что видеть

пьяных всегда неприятно, но вдвойне противно видеть в таком состоянии офицера. Ведь он, как никто другой должен владеть собой. Помолчав, добавил: «Я за всю жизнь был пьян всего два раза». Угадав мое любопытство, рассказал об одном эпизоде. Дело было в молодости, когда он был лесничим. По служебным делам обезжал кордоны. Лесники жили не плохо, держали хозяйство и гнали самогон. К тому же у многих из них были дочери-невесты, и поэтому лесники очень усердно угождали холостого лесничего и обедом, и выпивкой. Завершая к концу дня инспекторскую поездку, Анатолий Борисович с трудом забрался в тарантас и попросил кучера ехать медленно, так как дорога была неровной. Он хотел подчеркнуть, что на ней колдобины, но, употребив другое слово, заплетающимся языком невольно переставил местами буквы, и прозвучала непристойность. Кучер одобрительно захохотал, а Анатолий Борисович смущился и решил, собрав волю в кулак, произнести слово правильно. Увы, попытка не удалась, что вызвало у кучера теперь уже бурный восторг. «Тогда, сказал Анатолий Борисович, я понял, что «надрался» и замолчал». Происшествие заключает в себе не бог весть какое отступление от морали, но и о нем он помнил всю жизнь. Второй эпизод остался неизвестен мне, так как проводник разносил чай, и разговор ушел в сторону от этой интересной темы.

Те, кто работал в институте в директорские годы Анатолия Борисовича, знали, что он почти никогда не принимал участия в застольях после защит диссертаций. В то же время, в Новосибирске, после защит на Объединенном ученом совете по биологическим наукам, где он также был председателем, от подобных акций он не уклонялся. Такое различие в поведении он объяснил так: «Меня научила жизнь. Когда-то я не избегал застолий с подчиненными, а потом вдруг обнаружил, что некоторые

участники понимают это, как отмену субординации. Я начинаю ругать их за промахи в работе, а они ухмыляются и на лице написано: да, ладно, чего уж там, мы ведь вместе выпивали. Поэтому круг лиц, с которыми я могу себе это позволить, резко ограничил. В первую очередь ограничение касается подчиненных. А в Новосибирске у меня подчиненных нет».

Однажды в январе мы ехали в Новосибирск из Красноярска «ташкентским» поездом. Обслуживание в нем было никаким, к тому же часа через два мы почувствовали, что не мерзнем, а замерзаем. В купе мы были вдвоем, одели на себя все, что имели, завернулись в одеяла и были похожи на наполеоновских солдат при их бегстве из Москвы. Правда, поминали и проклинали мы и железную дорогу, и дружбу народов, родившую этот состав, и сибирский мороз, не на французском, а на русском... Свет в купе отсутствовал, проводник исчез. На станции Тайга наш вагон остановился возле яркого фонаря, и мы увидели в стенке вагона сквозную дыру, величиной с кулак. Температура «за бортом» (как сообщили новые пассажиры) была минус сорок. Отогрелись немного утром, в служебной «Волге», пока добирались до гостиницы в Академгородке. Едва мы зашли в гостиничный номер, как Анатолий Борисович решительно заявил, что надо срочно спасать себя, и мы пошли в ресторан. К изумлению официанта в этот ранний час мы попросили принести нам любой завтрак и обязательно спиртное. При этом Анатолий Борисович, смущаясь, подробно рассказал официанту о нашихочных страданиях, а у меня затем спрашивал с беспокойством: «Как Вам кажется, поверил ли нам офицант?»

В последние годы пребывания Анатолия Борисовича в Красноярске он из Москвы ездил «Россией». Поезд этот приходил в Красноярск часа в четыре утра. Ино-

гда я его встречал. Еще в машине он начинал рассказывать обо всех новостях, касающихся института, и продолжал это делать уже в квартире. Иногда спрашивал, не хочу ли я выпить рюмку коньяка. Я отказывался, а он наливал себе маленькую рюмочку и выпивал «с устатку». Как-то я спросил, он пьет только коньяк? Он ответил, что это вынужденная привычка и рассказал, откуда она возникла. Когда он работал во ВНИИЛХе и жил в Пушкино, в Москву на коллегию в министерство часто ездил на своей «Победе». После коллегии, которая обычно длилась допоздна, участникам предлагали выпить «на посошок». Один раз, выпив рюмку водки, он осторожно повел машину домой. Возле Мытищ был остановлен пожилым инспектором, который при проверке документов заподозрил запах спиртного. Анатолий Борисович не стал отрицать и объяснил, почему это имело место. Инспектор же заметил, что, судя по всему, водитель человек умный, но не знает простой истины: в подобных случаях следует пить коньяк, ибо даже он, обладающий немалым опытом и «нюхом», не может обнаружить последствия одной-двух рюмок. Случай этот, наверное, был единственным в его длительной автомобильной биографии.

Он был настоящим автомобилистом. В отпуск на юг, к морю ездил только на своей «Победе», а затем «Волге», и только опыт и самообладание помогали ему избежать серьезных дорожных происшествий. В Красноярске, в первые годы он по выходным на своей машине объезжал окрестности, в том числе посещал вместе с Л.В. Киренским – директором Института физики, будущим академиком, территорию нынешнего Академгородка. Его не пугали поломки автомобиля, он хорошо знал его устройство и всегда мог устранить неполадки. Иногда он даже использовал автомобильные категории для оценки иных явлений. После избрания президентом

США Картера, тот стал активно «наезжать» на нашу страну. Анатолий Борисович возмущенно заметил, что зря он это делает, ведь он не Форд (предыдущий президент). «Форд – это машина, а картер – ведь это только часть двигателя, всего-навсего поддон...»

Он всегда дружил с физкультурой, делал утреннюю зарядку, много ходил пешком, был тренирован,строен, подвижен. На прогулке в Академгородке пытался «тряхнуть стариной» при виде турника. В то время ему уже было 70 лет. С трудом удалось отговорить от такого спортивного подвига. Как-то летом в обеденный перерыв его по дороге из института домой настиг дождик. Не желая вымокнуть, он на глазах изумленной публики, с размеженного быстрого хода перешел на бег.

Анатолий Борисович любил лошадей. В молодости они были обычным элементом жизни лесничего. С их помощью не только проводились лесохозяйственные работы, но они еще составляли и стратегический резерв военного ведомства. Каждый лесничий обязан был иметь в постоянной готовности определенное число лошадей, повозок и запасы корма.

В Красноярске он иногда посещал ипподром, наблюдал за скачками. Его дочь, Людмила Анатольевна, рассказывала о своем посещении его в больнице за несколько дней до смерти. Ей показалось, что ему стало лучше. Они долго разговаривали, он вспоминал прошлое и спросил у нее, помнит ли она, как звали любимую его лошадь. Она назвала неправильную кличку. Анатолий Борисович поправил ее, назвав правильное имя лошади.

Он хорошо знал литературу, посещал театр, любил оперетту, выделял из артистов этого жанра блестательную Татьяну Шмыгу. Однажды в Новосибирске я купил магнитофон. Когда появился с ним в гостиничном номере, Анатолий Борисович заявил, что магнитофон надо

немедленно проверить. Включил магнитофон «на запись», и после «раз, два, три» он начал без паузы декламировать «Полтаву» А.С. Пушкина. «Выступление» продолжалось несколько минут, оно сменилось прослушиванием записи и выводом: магнитофон работает нормально. Я же отметил, что декламация была также на высоте.

* * *

Анатолий Борисович любил порядок в широком смысле этого слова. Он был всегда у него на столе, его же он придерживался и в делах. Он обладал повышенным чувством ответственности. Очень сердился, когда институт запаздывал с ответом на запросы, напоминал всем о сроках, писал об этом в письмах, даже находясь в отпуске.

Рассказывал, что в студенческие годы подрабатывал в лесоустройстве. Однажды закончил нивелирную съемку, а при обработке результатов обнаружил нестыковку. Он немедленно повторил всю работу в натуре и понял, что рабочий забыл учесть одно измерение – не выдернул и не представил контрольную шпильку, фиксирующую очередную двадцатиметровку. С тех пор прошло более 50 лет, но, рассказывая об этом, он волновался так, как будто это случилось вчера.

В одно жаркое лето поступило сообщение, что в Погорельской институтской экспериментальной базе возник лесной пожар. Случилось это в воскресенье. Анатолий Борисович немедленно по телефону обзвонил более 10 сотрудников, проживавших в Академгородке, организовал транспорт, и через 40 минут мы уже мчались по Енисейскому тракту. К счастью, пожар был потушен

работниками стационара до нашего прибытия, но такая мобилизационная готовность осталась в памяти.

* * *

Анатолий Борисович был объективен. Долгое время к роману Л. Леонова «Русский лес» в Институте относились настороженно, так как был известен лесной консультант писателя, никогда не считавшийся институтским доброжелателем. С некоторым предубеждением Анатолий Борисович познакомился с Л.М. Леоновым в санатории. После общения с ним он изменил резко свое отношение к автору романа. Особенно впечатлило Анатолия Борисовича знание Л. Леоновым не только всех деревьев, встречавшихся во время прогулок, но и трав. Кстати, у Анатолия Борисовича при окончании института в ведомости была единственная четверка по ботанике.

К большинству сотрудников института Анатолий Борисович относился с теплотой, гордился любыми успехами, всем рассказывал о них. Коллектив он склонен был рассматривать как одну команду. Особенno это относилось к его непосредственным помощникам. Частое общение с ними иногда приводило к забвению им возрастных различий. Как-то, рассказывая об одном лесном специалисте и уловив, что я не знаю, о ком идет речь, он сказал: «Ну, помните, в таком-то отделе, в Наркомлесе до войны был...» Напоминание о том, что до войны я ничего не знал о Наркомлесе, так как жил в Донбассе и учился в начальных классах, ненадолго смущило его и вызвало восклицание: «Ах, да!»

Он всегда внимательно выслушивал собеседника и старался понять его позицию. Чувство собственного достоинства, однако, не позволяло ему слепо подчиняться приказаниям. Однажды наша беседа в его кабинете была прервана звонком из райкома. Анатолий Борисович под-

твердил, что он директор, то есть «первое лицо», и спросил, почему именно он должен через час прибыть в райком. Попытка выяснить какой такой важный вопрос будет обсуждаться и почему должен быть обязательно он, вызвала раздраженный ответ: «Повестка – по прибытии». Такая бесцеремонность его возмутила, и он спросил, кто это дал такое распоряжение – прибыть на заседание с неизвестной повесткой. Ответ был краток и суров: «Секретарь райкома!» Тогда очень четко, не повышая голоса, Анатолий Борисович сказал: «Передайте Вашему секретарю, что орел мух не клюет», и, положив трубку, посмотрел на меня вопросительно – ну, как, мол? Получив одобрение, предложил продолжить прерванную беседу. Серьезные вопросы он всегда готов был обсуждать, что и делал очень продуктивно и в крае, и в Москве.

Анатолий Борисович очень много сделал для лесного дела страны и лесной науки, оставив о себе благодарную память.

А. Б. Жуков – исследователь и организатор лесной науки

Одна из радостей, отпущенных нам жизнью – встречи, общение, совместная работа с интересными, неординарными людьми, для которых преданность Родине, честь, принципиальность, порядочность, достоинство – не пустые звуки. К такой категории людей относится Анатолий Борисович Жуков, один из крупнейших ученых лесоводов ушедшего века, действительный член Академии наук СССР.

Если в прошлом научная деятельность в области лесоводства и лесоведения осуществлялась экспедиционным методом, а также опытными лесничествами и кафедрами высших учебных заведений, то в 30-х годах прошлого столетия (1928-1934) для более глубокого изучения природного разнообразия лесных насаждений нашей огромной Родины, разработки научной классификации лесов, познания их многогранной средозащитной и средообразующей роли, вскрытия взаимосвязей различных компонентов в лесных экосистемах, разработки лесохозяйственных мероприятий по управлению биологическими процессами в лесах, впервые в нашей стране начали создаваться научно-исследовательские институты лесного профиля с сетью филиалов, опытных станций, опорных пунктов и экспериментальных хозяйств, охватывавшие исследованиями крупные регионы.

Это явилось важным этапом становления и развития учения о лесе, созданного Г.Ф. Морозовым. Прежние упрощенные подходы к обоснованию лесохозяйственных

мероприятий заменились проведением многосторонних комплексных исследований в области использования, воспроизводства и охраны лесных ресурсов. Весомый вклад в создание и развитие сети институтов лесного профиля внес А.Б. Жуков.

Мое знакомство с Анатолием Борисовичем произошло в 1950 году, когда я, после защиты кандидатской диссертации, посетил Всесоюзный научно-исследовательский институт лесного хозяйства (ВНИИЛХ) по поводу устройства на работу. В то время А.Б. Жуков исполнял обязанности директора института. Эта первая встреча произвела на меня неизгладимое впечатление и оказала огромное влияние на всю мою дальнейшую научную деятельность. Мой собеседник в неспешной, обстоятельной и продолжительной беседе расспросил меня об учебе в Ленинградской лесотехнической академии, дальнейшей научной и практической деятельности, о содержании моей кандидатской диссертации и ее значении для науки и практики. Он с увлечением рассказал о направлениях и перспективах возглавляемого им института.

Личное обаяние, кругозор и эрудиция крупного ученого, внимательность и доброжелательность вселили в меня уверенность, и я без колебаний принял предложение А.Б. Жукова о зачислении меня на работу старшим научным сотрудником в отдел лесоводства. Уместно отметить, что все обязательства и условия работы, о которых говорилось в беседе, были институтом полностью соблюдены. Дальнейшее многолетнее общение и работа с А.Б. Жуковым убедили меня в том, что он никогда не бросал слов на ветер и всегда выполнял обещания.

Первая моя встреча с А.Б. Жуковым состоялась в период, когда он был относительно молодым ученым, но уже имел огромный опыт производственной и научной

деятельности; его имя было широко известно в научных кругах. Еще будучи студентом Харьковского института сельского хозяйства и лесоводства он сочетал учебу с работой в лесоустроительных партиях, что расширяло и углубляло его знания о лесе и способствовало накоплению опыта исследовательской и организаторской работы.

После окончания института ему было присвоено звание «лесовод-организатор», это звание полностью оправдалось на всех этапах жизненного пути. В 1923 году по предложению академика Г.Н. Высоцкого А.Б. Жуков был направлен на работу в Тростянецкое лесничество (Сумская обл.) одно из старейших опытных хозяйств, сыгравшее существенную роль в развитии лесоведения и лесоводства. В этом лесном массиве в различное время проводили исследования крупные ученые страны: М.М. Орлов, Г.Н. Высоцкий, П.С. Погребняк, Б.А. Шустов, П.К. Фальковский, А.Г. Марченко, С.С. Пятницкий, В.В. Гурский и другие. Здесь Анатолий Борисович глубоко и всесторонне с лесоводственной и экономической точек зрения анализировал эффективность различных способов рубок: сплошных разной ширины, группово-выборочных, постепенных по системе Корнаковского. Изучал ход роста сосны веймутовой и обыкновенной, лиственницы, ели, их лесоводственные особенности, строение и физико-механические свойства древесины в зависимости от условий произрастания.

В 1925 г. А.Б. Жуков под руководством Г.Н. Высоцкого закончил исследования возобновления в дубравах центральной лесостепи. С тех пор проблемы возобновления лесов и ведения лесного хозяйства занимали центральное место в его деятельности. Лесостепным дубравам, комплексу лесохозяйственных мероприятий, повышающих устойчивость и продуктивность древосто-

ев, посвящена и его докторская диссертация («Дубравы Украины и способы их восстановления»), которая была блестяще защищена в 1948 г. на ученом совете Института леса АН СССР. А позже (1949 г.) стала одной из лучших составных частей коллективного многотомного труда «Дубравы СССР», значение которого велико и в наши дни.

Становлению А.Б. Жукова как ученого широкого профиля способствовало его необыкновенное обаяние, позволяющее налаживать деловые контакты с видными деятелями в области лесоведения и лесоводства: Г.Н. Высоцким, М.Е. Ткаченко, Н.П. Кобрановым, Е.В. Алексеевым, а позднее с А.В. Тюриным, А.А. Молчановым, В.П. Тимофеевым, В.Н. Сукачевым.

Анатолий Борисович никогда не был затворником, он всегда был в гуще событий. Любил посещать музеи, выставки, разнообразные спортивные соревнования, совершая длительные прогулки в лесах, парках, на лодке по рекам, озерам; он увлекался художественной литературой, охотой. Поражали разносторонность и широта интересов, умение критически подходить к уже накопленному научному материалу и делать на его основе и собственных исследований выводы, имеющие огромное значение для теории и практики лесоводства. Это был один из первых ученых в нашей стране, который в полной мере оценил роль комплексных многолетних стационарных исследовательских работ в области лесоведения и лесоводства, позволяющих глубже анализировать динамику лесных биогеоценозов и составляющих их компонентов.

Как человека А.Б. Жукова отличали необыкновенная душевная щедрость, отзывчивость, доброта, внимание к собеседникам, желание охотно пойти на помощь другим, особенно молодым ученым. Он строго, но объективно оценивал их научные труды и щедро делился

своим опытом и знаниями с коллегами. Под его руководством подготовлены и защищены десятки докторских и кандидатских диссертаций. Всех, кто общался и трудился с Анатолием Борисовичем, покоряло его умение быстро, по-деловому решать самые сложные, спорные вопросы. Наделенный незаурядным талантом ученого – организатора науки, он обладал способностью в короткие сроки создавать коллективы из специалистов разного профиля и направлять их деятельность на решение актуальных проблем лесной науки и лесного хозяйства страны, принимая непосредственное участие в проведении экспериментальных работ, анализе и обобщении полученных данных.

В 1930 году А.Б. Жукова назначили зам. директора по научной работе только что созданного УкрНИИЛХА. Под его руководством и при непосредственном участии развернулись комплексные широкомасштабные исследования природы естественных и искусственных лесов с неодинаковым составом и строением древостоев. В различных условиях Украины созданы разнообразные типы лесных культур, сыгравшие большую роль в решении принципиальных вопросов искусственного лесоразведения.

С 1938 г. Анатолий Борисович возглавлял (в должности зам. директора) научные исследования в БелНИИЛХе. Его интересы в этот период были связаны с изучением особенностей взаимоотношений древесных пород на определенных этапах роста и развития древостоя, изменений лесной среды и физиологических процессов у деревьев при разной интенсивности изреживания при рубках ухода. Им было исследовано влияние данных рубок на продуктивность древостоев, разработаны методы дифференцированной оценки значения многосторонней роли лесных насаждений, в том числе водо-

охранно-защитной. Эта деятельность завершилась разработкой ряда рекомендаций по совершенствованию приемов ведения лесного хозяйства, в том числе рубок ухода.

В годы Великой Отечественной войны А.Б. Жукову была поручена эвакуация БелНИИЛХа и организация его исследований (и ряда других институтов) в соответствии с запросами военного времени. В сложных условиях были не только сохранены основные научные фонды, но и выполнены важные работы по заданию оборонной промышленности.

В 1942 году Анатolia Борисовича назначили заместителем директора по научной работе Всесоюзного научно-исследовательского института лесного хозяйства (ВНИИЛХа), где он проработал до 1956 г. Им много было сделано по ликвидации последствий войны, восстановлению и расширению сети исследовательских лесных опытных станций, созданию новых подразделений института, в первую очередь по вопросам механизации лесного хозяйства. Особое внимание он уделял технологии и механизации лесохозяйственных работ, обоснованию систем машин для отрасли. Благодаря его усилиям был значительно расширен и укреплен специалистами отдел механизации, а институт в 1955 г. реорганизован во Всесоюзный научно-исследовательский институт лесоводства и механизации лесного хозяйства (ВНИИЛМ). Существенно расширилась и сфера его деятельности: в нее вошли леса европейской тайги, Урала Северного Кавказа и других регионов страны, где впоследствии были организованы лесные опытные станции (Костромская, Уральская).

В период работы во ВНИИЛМе А.Б. Жуков принимал активное участие в подготовке проекта важнейшего постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 23 апреля 1943 г. о разделении лесов страны на три груп-

пы по их народнохозяйственному и экологическому значению. К первой отнесены леса, выполняющие преимущественно водоохранные, защитные, санитарно-гигиенические и оздоровительные функции, а также леса особо охраняемых территорий и природно-заповедного фонда; ко второй – леса в малолесных районах и с высокой плотностью населения, развитой сетью транспортных путей, где для сохранения защитных функций насаждений требуется ограниченный режим лесопользования; к третьей – леса многолесных районов, имеющие преимущественно эксплуатационное значение.

Нелишне напомнить, что это постановление было принято в суровые годы Великой Отечественной войны, когда значительная территория европейской части страны была оккупирована немецкими войсками, а в освобожденных районах уже восстанавливались села, города, предприятия, на что требовалось огромное количество строительных материалов и, в первую очередь, древесины. В те тяжелые годы народное хозяйство и население располагали ограниченными транспортными возможностями, и поэтому возникло опасение, что в процессе восстановительных работ могут быть вырублены наиболее доступные леса, расположенные вблизи городов, населенных пунктов, вдоль рек, дорог, что привело бы к негативным экологическим последствиям. Поэтому в лесах первой группы до 1952 года были запрещены рубки главного пользования, а древесина для восстановления нарушенноговойной жилого фонда и предприятий поступала преимущественно из таежных лесов европейской части России. К сожалению, в годы перестройки и реформ многие региональные органы лесного хозяйства ослабили внимание к рациональному использованию, особенно лесов первой группы, что привело к неумеренным рубкам без соблюдения элементарных лесово-

дственных требований, резкому снижению средообразующей и водоохранно-защитной роли лесов. В последние годы в запретных полосах вдоль рек нередко ведутся сплошные рубки леса, воздвигают и многочисленные коттеджи. Вследствие отсутствия контроля со стороны лесхозов и лесничеств, местного самоуправления, сан-эпидемнадзора леса вокруг садово-огородных кооперативов, коттеджей, превращаются в свалки бытовых отходов, а сток из этих объектов нередко попадает в овраги, ручьи и речки.

В результате комплексных исследований, выполненных под руководством А.Б. Жукова ВНИИЛХом, сформулированы научно-обоснованные рекомендации по совершенствованию рубок главного и промежуточного пользования, естественного и искусственного возобновления лесов, усилию их водоохранно-защитной роли, которые вошли в «Основные положения по проведению рубок главного пользования», «Основные положения по проведению лесовосстановительных мероприятий и рубок ухода». В составлении этих документов, регламентирующих ведение лесного хозяйства страны, Анатолий Борисович принимал непосредственное участие.

Много сил и энергии отдано им отстаиванию научных принципов лесоводства в период расцвета лысенковщины. Он был одним из тех лесоводов, кто сохранил верность учению Г.Ф. Морозова о лесе. Обладая глубокими знаниями и опытом лесоразведения в южных районах страны, совместно с академиком В.Н. Сукачевым, В.Я. Колдановым, Е.Д. Годневым и другими учеными он смело, решительно и бескомпромиссно выступал против надуманных, волевых методов полезащитного лесоразведения, «внедряемых» Т.Д. Лысенко и его приспешниками (среди них оказалось немало и лесоводов). Под руководством Анатолия Борисовича учеными ВНИИЛМА

совместно с «Агролеспроектом» разработана система агротехнических мероприятий по созданию государственных защитных лесных полос. Они взяты за основу при составлении технических проектов закладки защитных лесных насаждений и выдержали испытание временем.

После августовской сессии ВАСХНИЛ (1948 г.) некоторые ученые лесоводы весьма активно развивали антинаучный взгляд Т.Д. Лысенко об отсутствии внутривидовой конкуренции растений применительно к лесным сообществам, пытались подвести базу под новые классификации деревьев по росту и развитию. В связи с этим усиленно предлагались надуманные методы и приемы ведения лесного хозяйства, включая формирование насаждений, в том числе и рубками ухода. В 1952 году, по инициативе Анатолия Борисовича, во ВНИИЛХе было проведено Всесоюзное совещание по рубкам ухода, на котором убедительно доказана несостоятельность подобных предложений, осуществление которых во многих случаях привело бы к снижению продуктивности лесов, а в некоторых случаях – к их полной деградации.

В период разгрома биологической науки А.Б. Жуков выступил в печати против необоснованных и оскорбительных нападок последователей Т.Д. Лысенко на учение общепринятого патриарха лесоведения и ботаники акад. В.Н. Сукачева о лесных биогеоценозах, объявленного тогда наукообразным. Анатолий Борисович решительно отверг упрощенный подход к оценке леса. «Можно спорить, - писал он, насколько биогеоценотические методы изучения леса и среды могут определяться при практической работе, но нельзя отрицать необходимость комплексного изучения леса» (Лесное хозяйство. 1952, № 10, с. 49). В учении о биогеоценозах, которое сегодня квалифицируется как теоретическая основа изучения природных систем, он выделял и подчеркивал нераз-

рывную общность с идеями таких корифеев отечественного естествознания, как В.В. Докучаев, В.Н. Вернадский, Г.Ф. Морозов.

В 1956 году, по приглашению академика В.Н. Сукачева, А.Б. Жуков перешел на работу в Институт леса АН СССР, где возглавил отдел лесоводства и стал научным руководителем работ по проблеме повышения продуктивности лесов СССР. На северной лесной опытной станции под его руководством были проведены многоплановые комплексные исследования, направленные на изучение природы северных лесов, динамики лесных биогеоценозов под воздействием антропогенных факторов. В это время большое внимание им уделялось районированию лесного фонда страны и классификации лесов, обоснованию ведения лесного хозяйства с учетом особенностей лесов в различных природно-территориальных комплексах, созданию систем лесохозяйственных мероприятий на зонально-типологической основе. Эти предложения творчески развивали идеи, высказанные Г.Ф. Морозовым на XI Всероссийском съезде лесничих в г. Туле (1909 г.), где он призывал к дифференциации лесохозяйственных мероприятий с учетом природных особенностей регионов. Методический подход к повышению продуктивности лесов и способы его отражены в четырехтомной монографии «Повышение продуктивности лесов СССР». Анатолий Борисович был не только ответственным редактором, но и автором многих разделов этого капитального труда.

Настоящий ученый всегда готов трудиться там, где всего нужнее. В 1959 году в связи с созданием Сибирского отделения АН СССР Анатолию Борисовичу было поручено организовать в г. Красноярске крупный центр лесной науки развивающихся восточных регионов страны. Обладая необыкновенным организаторскими

способностями, душевной щедростью, умением располагать к себе собеседника, увлекая его, но, не навязывая своей логики, он сумел привлечь туда многих ученых из Москвы, Ленинграда и других городов и в короткий срок создал Институт леса и древесины СО АН СССР, который и возглавлял на протяжении 20 лет. Большую помощь в организации института оказала местная администрация. Сибиряки с большой теплотой, заботой, вниманием встретили новое пополнение ученых, обеспечив их прекрасным зданием для работы и квартирами. С первых же дней организации института в нем неизменно царила благодатная деловая обстановка, располагающая к творческой научной работе. Под руководством Анатолия Борисовича и непосредственном его участии была разработана программа комплексных исследований лесов Сибири, которая не потеряла своей актуальности. Для глубокого всестороннего изучения особенностей лесов разных регионов Сибири была создана хорошо продуманная сеть лесных стационаров и опорных пунктов (Ермаковский, Байкальский, Погорельский, Якутский и др.) на которых специалисты разных направлений и профилей осуществляли совместные комплексные исследования. Стационары были хорошо оснащены приборами и оборудованием для непрерывных и длительных наблюдений.

Большое внимание уделял А.Б. Жуков экспедиционным исследованиям. По существу за всеми научными подразделениями были закреплены автомашины, необходимое таборное и экспедиционное оборудование. К работе в экспедициях широко привлекались студенты вузов г. Красноярска и других городов, многие из них по окончании учебы поступали на работу в институт или аспирантуру. Сочетание лабораторных, стационарных и экспедиционных исследований способствовало глубоко му и всестороннему изучению природы лесных насажде-

ний различного возраста, состава и строения, познанию закономерностей развития древесной растительности, лесовосстановительных и лесообразовательных процессов, динамики лесных биогеоценозов под воздействием природных и антропогенных факторов. Созданию деловой, творческой и высоко эффективной работы Института леса и древесины способствовал личный пример отношения А.Б. Жукова к работе и возглавляемому им коллективу. Он каждодневно одновременно с другими приходил и уходил с работы, был доступен, приветлив, вежлив с сотрудниками любого ранга, умел быстро, по деловому решать самые сложные вопросы. Посетители никогда не засиживались в приемной, ожидая встречи с ним. Он проявлял большое внимание и заботу о других.

В период организации института в Красноярске возникло осложнение со снабжением продуктами. Местная администрация приняла решение прикрепить Анатолия Борисовича к специальному магазину. Он поблагодарил представителя администрации, но заявил, что их предложением он воспользуется лишь в том случае, если к магазину будут прикреплены и другие ученые, прибывшие в Красноярск, эта просьба была удовлетворена. За Анатолием Борисовичем как директором института и академиком была закреплена машина, но он ею пользовался редко, главным образом для поездок на научные объекты; на работу и с работы он всегда ходил пешком. Ему часто приходилось вылетать в Новосибирск (Академгородок), Москву на заседания Верховного Совета СССР, собрания АН и др. Самолеты из Красноярска в эти города вылетали обычно рано утром и он, несмотря на наличие персональной машины, добирался до аэропорта на такси, оплачивая расходы из своих средств. Однажды накануне очередной поездки в Москву к нему зашел шофер и попросил его не заказывать такси. На это академик

ответил: - «Вы далеко живете и Вам трудно добираться до гаража, и поэтому у Вас будет бессонная ночь». Таких примеров доброго отношения к людям можно привести множество.

При создании института А.Б. Жуков избегал громоздких подразделений. Он считал, что настоящая наука чужда им и предпочитает небольшие лаборатории (не более 25 человек). Являясь противником многоступенчатого управления наукой, организовал деятельность таким образом, что лаборатории, минуя отделы и отделения, непосредственно подчинялись директору или его заместителю по науке, к руководству лабораториями подходил неформально, часто посещал их, вместе с сотрудниками искал пути совершенствования исследовательской работы с учетом специфики и целевого назначения подразделения.

Наряду с традиционными в Институте леса и древесины появились лаборатории, успешно развивавшие новые направления в лесной науке: лесное ресурсоведение, способы биологической борьбы с насекомыми, лесная микробиология, морфология леса, лесная пирология, дистанционные методы исследований лесных ресурсов, мерзлотное лесоводство и др. Характерной чертой института стала разработка теоретических положений при решении важнейших народнохозяйственных задач. Такого принципа Анатолий Борисович неуклонно придерживался на протяжении всей своей жизни. Эту традицию продолжают и в наши дни сотрудники Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН.

Большое внимание А.Б. Жуков уделял подготовке кадров, отдавая преимущество местным специалистам. И эту проблему решал блестяще. Многие сотрудники в течение 3-5 лет подготовили и защитили кандидатские диссертации на основе исследований, проведенных ими в

лесах Сибири, затем – докторские и со временем стали руководителями основных научных подразделений института. Школа, созданная Анатолием Борисовичем, живет и процветает, являясь общепризнанным научным центром лесных исследований не только в восточных, но и в других районах страны. Его ученики и последователи пополняют то огромное наследие, которое оставили академики В.Н. Сукачев и А.Б. Жуков.

В результате обстоятельных исследований, выполненных Институтом леса и древесины под руководством А.Б. Жукова, разработано научно обоснованное районирование лесов Сибири и сформулированы принципы рационального хозяйствования в различных природно-экономических районах, в том числе в лесах бассейна оз. Байкал, вдоль трассы БАМа и в ряде других промышленных комплексов; предложены методы охраны лесов от пожаров, защиты от вредных насекомых и грибных болезней, оригинальные способы рубок главного и промежуточного пользования. Впервые для лесов Сибири созданы региональные нормативные документы, регламентирующие ведение хозяйства (правила рубок, руководство по лесовосстановлению, наставления по рубкам ухода и др.), наиболее полно отвечающие разнообразной природе лесов данного региона (в том числе лесам на мерзлых почвах), способствующие разумному их использованию и воспроизводству.

Во время работы в Сибири А.Б. Жуков подобрал (из высококвалифицированных специалистов) коллектив авторов, хорошо знакомых с лесами разных природно-территориальных комплексов страны, обобщивший и систематизировавший все сведения о лесах, их природном разнообразии, состоянии и развитии лесного хозяйства. Результатом этой деятельности стал пятитомный труд «Леса СССР», вышедший под редакцией А.Б. Жу-

кова (он автор и многих разделов), получивший широкое признание, как научных сотрудников, так и работников лесохозяйственного производства. С момента выхода пятитомника прошло более 20 лет, он стал библиографической редкостью. К тому же накопилось много новых данных о лесах и лесном хозяйстве страны. Указанные обстоятельства вызывают необходимость переиздания труда, являющегося прекрасным памятником его организатору и создателю.

В 1960 году А.Б. Жукову было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР, а в 1966 он был избран действительным членом Академии наук СССР. Как член Президиума СО АН СССР академик Жуков возглавлял Объединенный научный совет по биологическим наукам Сибирского отделения, Сибирский комитет по международной биологической программе, Совет по координации научно-исследовательских работ Сибири и Дальнего Востока по вопросам леса, являлся членом Государственного комитета СССР по лесному хозяйству. В 1972 году по его инициативе был образован Научный совет АН СССР по проблемам леса, который осуществляет координацию всех исследований в области лесоведения и лесоводства страны. Многие годы Анатолий Борисович был главным редактором журнала «Лесоведение», активным членом редколлегии журнала «Лесное хозяйство», неоднократно достойно представлял лесную науку нашей страны на международных конгрессах, совещаниях: в 1954 г. на IV Мировом лесном конгрессе в Индии руководил работой секции водоохранно-защитной роли лесов, в 1960 г. возглавлял делегацию нашей страны на V Мировом конгрессе в США, где был избран вице-президентом конгресса.

Наряду с научной деятельностью А.Б. Жуков вел большую общественную работу, являясь депутатом ме-

стных Советов, а с 1970 г. дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР.

В отличие от ряда ученых Анатолий Борисович не гонялся за славой и деньгами. Он стремился всегда честно и добросовестно выполнять возложенные на него обязанности. В конце 60-х гг. создавался Красноярский государственный университет. Администрация края предложила академику должность ректора университета. Он задал встречный вопрос: «А разве есть решение об освобождении меня от должности директора Института леса?» Ему ответили, что «такого решения нет, Вы будете директором института и одновременно ректором, а всю работу в университете будут осуществлять два проректора». А.Б. Жуков ответил, что так работать не привык и не хочет быть «свадебным генералом». Он посоветовал одного из проректоров назначить ректором, и в этом случае дела в университете будут более успешными.

Академик А.Б. Жуков оставил неизгладимый след в лесной науке. Его огромное научное наследие оказывало и будет оказывать большую помощь в дальнейшем развитии учения о лесе. Он был подлинным патриотом Родины, кристально честным и принципиальным ученым, умеющим видеть в целом развитие различных направлений лесной науки и своевременно выделять из них основные, перспективные, как с точки зрения теории, так и запросов производства. Чуждый научного карьеризма, он выше всего ставил интересы дела, науки, страны. За эти моральные качества, а также доброту, объективность, отзывчивость, внимательность, чуткость к окружающим Анатолий Борисович снискал всеобщее уважение и непрекаемый авторитет.

А.С.Исаев

Ученый – патриот

В истории отечественного лесоведения имя А.Б. Жукова занимает особое место. Он известен как первоклассный лесовод и организатор лесной науки, автор оригинальных работ по теории и практике лесного хозяйства, научный руководитель экологических программ по повышению продуктивности лесов, сохранению природоохранных функций лесов бассейна озера Байкал, комплексному использованию кедровых лесов, организатор Института леса и древесины СО АН СССР, инициатор создания Научного совета АН СССР по проблемам леса, главный редактор первой в стране многотомной монографии «Леса СССР», главный редактор журнала «Лесоведение».

Мне выпало счастье длительное время работать с Анатолием Борисовичем, выполнять его поручения по организации научных исследований института, развитию научно-технической базы, представлять институт на различных форумах в нашей стране и за рубежом. Все эти годы я не переставал восхищаться этим удивительным человеком, его мудростью и прозорливостью, его интеллигентностью и жизненной твердостью, преданностью лесному делу, с которым была связана вся его жизнь. Анатолий Борисович Жуков всегда был образцом ученого-патриота, высокообразованного специалиста, прошедшего большую жизненную школу и сохранившего неистребимый интерес к активной творческой деятельности. У него было чему поучиться, и все, кто работал вместе с ним, старались как можно полнее использовать эту возможность.

Мое поколение, получившее лесное образование в начале 50-х годов, было сложное по своему составу. В институтские лаборатории пришли недавние солдаты, опаленные войной, хорошо знающие почем фунт лиха, и вчерашние школьники, не успевшие принять участие в боевых действиях, но в полной мере испытавшие все тягости военных лет. Различия в жизненном опыте и уровень подготовки по общеобразовательным дисциплинам не разъединяли студенческие коллективы, а наоборот укрепляли быстро формирующиеся связи на основе взаимопомощи в получении знаний, появления общих жизненных интересов и дружеских контактов. В значительной степени этому способствовало и престижность выбранной специальности, востребованность лесной профессии в связи с реализацией в те годы громадных планов по защитному лесоразведению, расширению лесомелиоративных работ и массовых посадок леса в южных районах. Эти работы, именовавшиеся «Сталинским планом преобразования природы», были первыми крупномасштабными экологическими акциями в стране, опирающиеся на опыт российского степного лесоразведения и сыгравшими важную роль в развитии отечественного лесоводства послевоенного периода.

Пrestижность профессии лесовода поддерживалась высокой квалификацией профессорско-преподавательского состава лесных вузов страны и научных сотрудников ведущих научно-исследовательских учреждений. В эти годы еще работали многие известные профессора довоенной формации и формировался корпус молодых ученых, активно усваивающих опыт своих учителей и развивающих свои научные направления. Их деятельность позволила сохранить преемственность ведущих научных школ.

А.Б. Жуков пришел в науку, уже имея большой опыт практической работы в лесном хозяйстве и сформировавшееся представление о путях развития перспективных лесоводственных направлений. Этому способствовал опыт его работы в ведущих НИИ лесного профиля – УкрНИИЛХА, БелНИИЛХе и ВНИИЛХе, где уже в предвоенные годы выполнялись широкие исследования по основным направлениям экспериментального лесоводства. Мощным стимулом развития лесоведения было создание в 1944 году Института леса АН СССР, который возглавил академик В.Н. Сукачев. Теоретической базой вновь созданного института стало разработанное В.Н. Сукачевым учение о лесных биогеоценозах, положившее начало развитию нового научного направления – лесной биогеоценологии. А.Б. Жуков, приглашенный В.Н. Сукачевым в 1956 году в Институт леса, оказался одним из наиболее квалифицированных лесоводов, способных направленно решать фундаментальные биологические задачи в русле их практического приложения. Поэтому не случайно, когда встал вопрос о перебазировании Института леса в Красноярск, в качестве директора-организатора была выбрана его кандидатура. Это было разумное решение, сыгравшее решающую роль не только в укреплении лесной науки, но и всей биологической тематики Сибирского отделения АН СССР. Почти два десятилетия, в период становления Сибирского отделения, А.Б. Жуков был Председателем Объединенного ученого совета по биологическим наукам, возглавляя этот важнейший раздел науки. Он оказал большое влияние на консолидацию ученых-биологов, развитие новых направлений, в том числе и экологических, способствовал созданию новых институтов биологического профиля в Сибири и на Дальнем Востоке. Однако главным делом своей жизни в Сибири А.Б. Жуков считал создание Ин-

ститута леса и древесины в Красноярске. Открытие этого института стало очень плодотворной и своевременной акцией, поскольку интенсивное развитие производительных сил восточных регионов страны в значительной степени было связано с рациональным использованием лесных ресурсов. По существу, на территории Сибири создавался первый крупный лесной институт, призванный обеспечить на базе фундаментальных исследований решение многих производственных проблем: рационального лесопользования, воспроизводства, охраны и защиты леса.

А.Б. Жуков четко представлял пути решения этих сложных задач. В кратчайших срок ему удалось создать работоспособный коллектив, включающий специалистов из Москвы, Ленинграда и других городов страны, а также молодых сибирских ученых, хорошо знающих специфику таежных лесов. Опираясь на этот коллектив, была разработана программа научных исследований на ближайшую и долгосрочную перспективу. Реализация этой программы уже в первое десятилетие вывела институт в число лидирующих исследовательских учреждений. Институт стал кузницей высококвалифицированных кадров. Организация Института леса и древесины – научного центра лесного профиля на востоке страны следует рассматривать как гражданский подвиг А.Б. Жукова, выполнившего свой долг перед державой и оправдавшего доверие СО АН СССР. В 1966 году, будучи самым крупным авторитетом в лесной науке, он заслуженно избирается действительным членом АН СССР, возглавляет с 1967 г. редколлегию академического журнала «Лесоведение» и создает в 1972 г. Научный совет по проблемам леса АН СССР, чем существенно укрепляет позиции лесоводственной науки, как в системе Академии наук, так и в государственных органах лесного хозяйства.

Анатолий Борисович ясно понимал роль фундаментальной науки в решении практических задач. Это во многом определило стиль работы Института леса и древесины как своего рода «монополиста» в таежных регионах Сибири, где отраслевые институты Гослесхоза СССР из-за отсутствия достаточно квалифицированного научного потенциала не имели возможности разрабатывать нормативную базу выполнения лесохозяйственных работ. Используя фундаментальные данные о характере лесообразовательного процесса, закономерностях строения древостоев, ходе роста деревьев и другие параметры формирования лесного покрова таежных территорий, институт составил и передал производству пакет многочисленных нормативных документов по ведению лесного хозяйства: наставлений и правил по лесопользованию, охране леса от пожара, защите от насекомых-вредителей и др.

Особое внимание уделялось экологическим аспектам лесопользования, комплексному использованию кедровых лесов, сохранению водоохраных функций лесов бассейна озера Байкал, созданию системы промышленных выборочных рубок и другим прикладным проблемам, связанным с сохранением и повышением продуктивности лесов Сибири. Эти позиции Анатолий Борисович неуклонно проводил в жизнь, отстаивал в государственных структурах, где как депутат Верховном Совете СССР проводил большую работу по совершенствованию лесной политики и лесного законодательства. Его научный авторитет и организационные способности во многом способствовали востребованности научных знаний, использованию полученных результатов в практике лесного хозяйства.

Под его руководством проводилась большая работа по совершенствованию лесного комплекса страны, ук-

реплению экономики лесного хозяйства, поиск оптимальных управлеченческих решений рационального использования лесов. Анатолий Борисович внимательно следил за этими процессами, активно участвовал в их обсуждении и реализации, широко использовал работы института в формировании лесной политики страны. Комплексные программы тех лет стали основой научно-технического прогресса лесного хозяйства, широко вошли в практику лесопользования, охраны лесов и лесовосстановления и не потеряли своего значения до настоящего времени.

При всей своей требовательности Анатолий Борисович был исключительно добрым человеком. Его взаимоотношение с сотрудниками строились в форме доброжелательного диалога, детального обсуждения проблемы, внимательного отношения к чужому мнению. Особенно рельефно это проявлялось на семинарах и конференциях, регулярно проходивших в Институте. Они служили своеобразной школой – университетом для молодых сотрудников, где каждый мог высказать свое мнение. Острые дискуссии, возникающие на этих семинарах, проходили корректно и в конечном итоге были направлены на поиск объективной оценки и оптимального решения обсуждаемой проблемы. Анатолий Борисович активно участвовал в дискуссиях, никогда не давил своим авторитетом, выступал по существу, избегая резких оценок. Он очень дорожил авторитетом института и следил за качественным выполнением научных заданий, особенно если дело касалось подведения итогов комплексных работ, подготовки правительственные документов или иных ответственных решений. Анатолий Борисович внимательно относился к деятельности Совета по защите докторских диссертаций, рассматривая его работу как важный элемент кадровой политики института. Представляемые на

защиту диссертации тщательно обсуждались на лабораторных семинарах и заседаниях Ученого Совета, а при положительной оценке содержательной части работы доводились «до кондиции» с помощью сотрудников профильных лабораторий. Зная высокую требовательность к качеству диссертационной работы и объективность ее оценки в процессе защиты, соискатель с большой ответственностью готовился к ее представлению в Совет института и, как правило, успешно защищал свои научные позиции. Эти традиции сохранились в институте до сих пор.

Анатолий Борисович был прекрасным администратором, тонко понимающим психологические нюансы взаимоотношений людей в научных коллективах и умеющим принимать сложные решения. Я проработал с ним 16 лет на различных должностях - от младшего научного сотрудника до первого заместителя директора и практически все это время не ощущал различий во взаимоотношениях, связанных с производственной деятельностью. Естественно, с ростом моего научно-организационного статуса возрастала мера ответственности, менялся характер работы, но стиль уважительного взаимодействия с директором оставался неизменным.

С Анатолием Борисовичем мы познакомились в Москве (в Пушкино), по инициативе моего научного руководителя по аспирантуре во ВНИИЛМе, замечательного лесного энтомолога А.И. Ильинского. Срок моей заочной аспирантуры заканчивался, за плечами было восемь полевых сезонов в лесоустроительных партиях, настало время определяться с дальнейшей работой. К этому времени я уже серьезно занимался лесной энтомологией, защитой леса. Надо было прибываться к этому берегу. В то же время не хотелось расставаться с Сибирью и Дальним Востоком, где проработал много лет и имел опреде-

ленный научный задел. А.И. Ильинский спросил, насколько серьезно я связан с Москвой и нет ли у меня желания переехать в Красноярск, где в это время в системе СО АН СССР создавался Институт леса и древесины. Я сказал, что это меня устроило бы, но тревожило опасение, что незавершенность диссертации и отсутствие научных публикаций может осложнить дело. - «А давайте поговорим на эту тему с директором института профессором А.Б. Жуковым. Он сейчас здесь и может ответить на все Ваши вопросы». Андрей Игнатьевич посмотрел в окно и добавил: - «Вон он во дворе под машиной лежит, опять, видимо, его «Победа» забарахлила». Мы вышли на улицу, и я был представлен своему будущему директору. - «Рекомендация Андрея Игнатьевича для меня закон - сказал Анатолий Борисович, - Если Вы действительно хотите ехать в Сибирь, то пишите заявление и собирайтесь в дорогу. Работы там у нас невпроворот, особенно для специалистов по защите леса. А диссертация дело наживное, регион Вы знаете, задача понятна, да и руководитель Ваш не даст вам дремать. У него ученики всегда выходили со знаком качества. Думаю, Вы его не подведете».

Я попросил неделю на размышление, посоветовался с женой, Лидией Николаевной, с которой вместе кончал Лесотехническую академию, обсудил ситуацию с родителями и принял решение, определившее мою дальнейшую судьбу. В марте 1960 года я приехал в Красноярск и уже в качестве сотрудника института зашел к директору сообщить о своем прибытии. - «Ну, хорошо» - сказал Анатолий Борисович, подписывая приказ о моем назначении. - «Должность - младший научный сотрудник, оклад 105 рублей, квартиру получите через месяц, а пока поживете в общежитии. Найдите Евгения Семеновича Петренко - он Ваш коллега, быстро введет в курс

деля. Если появятся проблемы, требующие моего решения, заходите без стеснения. Мы все здесь пока новоселы, люди разные. Нужно больше общаться, знакомиться с работами друг друга, определять свое место в общей программе работы института».

Этот ровный благожелательный тон беседы, уважительное отношение к сотрудникам, готовностьказать поддержку в сложной ситуации было органически присуще Анатолию Борисовичу в его отношениях с коллективом. Несмотря на относительно разнородный состав сотрудников, особенно в первые годы формирования института, дружелюбная атмосфера созидания являлась мощным стимулом творческой активности ученых, формирования комплексных тематических групп, поиска новых неординарных решений

Анатолий Борисович был хорошим оратором. Он мог без всяких записей выступать по самым сложным проблемам, формулировать задачи, определять пути их решения. Он остро чувствовал перспективу развития новых направлений и оказывал всемерную поддержку авторам оригинальных идей. Так было при развитии углеродного метода датирования ископаемой древесины, создании шланговых зарядов для тушения лесных пожаров, использовании первых ЭВМ для расчетов размера лесопользования, создании новых методов микробиологической борьбы с вредителями леса, разработке аэрокосмических методов мониторинга лесов, выполнении оригинальных работ в области древесиноведения и химии древесины. Практически тематика всех ведущих лабораторий института находилась под пристальным вниманием Анатолия Борисовича. Она детально обсуждалась на Ученом совете и на тематических семинарах, подвергалась жесткой критике в случае выявления непродуманных скороспелых решений. При этом политика директо-

ра была направлена на укрепление самостоятельности заведующих лабораториями, повышения их ответственности за качество научной продукции, своевременную публикацию результатов. При возникновении конфликтных ситуаций Анатолий Борисович старался «развести» фигурантов, путем создания новых тематических групп или даже лабораторий. При любых обстоятельствах он в первую очередь учитывал интересы дела и старался сохранить в институте нужных специалистов.

Как истинный лесовод Анатолий Борисович уделял большое внимание развитию стационарных исследований. При его активной поддержке институтом была создана разветвленная сеть базовых стационаров и опорных пунктов, охватывающих различные зональные провинции бореальной зоны Сибири. Стационарные исследования позволили анализировать многолетнюю динамику лесообразовательного процесса в таежных биогеоценозах, особенности роста и развития древесных пород в различных почвенно-климатических условиях, включая зону вечной мерзлоты, вертикальную поясность горных систем, определяющую гидрологические параметры бассейнов великих сибирских рек.

Результаты стационарных и маршрутных исследований были использованы для подготовки многочисленных статей и монографий, составивших целую библиотеку основ таежного лесоведения, включающую сводки по таксации и лесоустройству, охране и защите леса, лесному почвоведению и гидрологии, лесной климатологии, физиологии и биохимии древесных растений, генетике и селекции, дендрологии, лесной типологии и биогеоценологии. На полевых стационарах были выполнены многоплановые работы по изучению продуктивности таежных лесов, послужившие в дальнейшем исходным материалом для оценки углерода и его роли в биосферных про-

цессах. Эти пионерные работы выдвинули институт в число лидеров дистанционного изучения лесного покрова таежных территорий и положили основу для широкого использования геоинформационных технологий. Оценивая огромную работу, проведенную учеными института, Анатолий Борисович высказал в одном из своих выступлений идею о создании трансекта «Енисейский меридиан», для оценки глобальной роли бореальных лесов Сибири в биосферных процессах. Это направление, успешно развиваемое в настоящее время в Институте леса, получило широкое международное признание и поддержку.

Я счастлив, что судьба дала мне возможность общаться и работать с этим замечательным человеком, воспринимать его знания и мудрость, высокую гражданственность, беззаветную преданность лесному делу. Я горжусь, что был его преемником Анатолия Борисовича, мне было доверено руководить институтом и осуществить многие идеи и пожелания, которые Анатолий Борисович не успел реализовать.

Время ведет свой неумолимый бег и уже поколение, начинавшее красноярскую лесную эпопею в далекие 60-е годы, уходит в историю. Поэтому очень важно, чтобы память об А.Б. Жукове, патриархе отечественного лесоведения и организаторе сибирской академической лесной науки, была для новых поколений исследователей ярким примером служения российскому лесу.

И.Ю. Коропачинский

А.Б. Жуков – организатор науки в Сибири

Я знал о А.Б. Жукове как о крупном лесоводе, специалисте по ведению хозяйства в дубравах, но до его появления в Красноярске осенью 1958 года знаком с ним не был. Приезд его вместе с профессором П.В. Васильевым, заместителем директора Института леса АН СССР, и экономистом Н.В. Невзоровым был связан с готовившимся перебазированием первого академического лесного института из Москвы в Сибирь. В каком городе будет располагаться институт, не было известно. Краевые власти и лесная общественность были заинтересованы в том, чтобы выбор пал на Красноярск. Здесь уже был Сибирский лесотехнический институт, готовивший кадры для лесного комплекса Сибири, и отраслевой научно-исследовательский институт лесного профиля. Появление академического института усиливало научное обеспечение лесного дела и укрепляло бы позиции недолго до этого созданного в Красноярске Института физики Сибирского отделения АН СССР.

Для обеспечения плодотворной работы приехавших из Москвы была организована рабочая группа. В нее входил директор Института физики СО АН СССР Л.В. Киренский, директор Лесотехнического института В.В. Попов, начальник Краевого управления лесного хозяйства В.В. Корнаков, доцент П.К. Кутузов, в нее был также включен кандидат наук Э.Н. Фалалеев и я. Анатолий Борисович к переезду института относился крайне ответственно. Он расспрашивал подробно о Красноярске, условиях быта, видно было, что он тщательно все анализиру-

ет. Для более доверительных отношений был организован выезд на Каравульную лесную дачу, которая служила базой проведения учебной практики студентов лесотехнического института. Посещение дачи сопровождалось и приготовлением сибирских пельменей. Чаша весов стала склоняться в пользу Красноярска. Сомнение у Анатолия Борисовича было связано в основном лишь с отсутствием здания для института. Краевые власти выразили готовность выделить четырехэтажное здание на центральной улице города - проспекте Сталина (Мира). Быстро сделали фотоснимки красивого здания с колоннами и сопроводили их подписью «Институт леса АН СССР». Анатолий Борисович вначале воспринял этот жест как шутку, но когда убедился, что это реальность, был очень доволен. В Москве институт не имел подобного здания и ютился в нескольких местах. Красноярск был выбран для переезда института окончательно.

После перебазирования института мои встречи с Анатолием Борисовичем стали частыми. Я привлекался для выбора экспериментальной базы института в окрестностях Красноярска. Вначале, вместе с А.Б. Жуковым и Валентином Вениаминовичем Протоповым, коренным красноярцем, вернувшимся в Сибирь вместе с Институтом леса, мы отправились на р. Базаиху. Места там прекрасные, леса представлены разными древесными породами – типичный кусок тайги, но добираться туда было сложно. Это смущило Анатolia Борисовича. И тогда, по предложению начальника Управления лесного хозяйства края, Владимира Васильевича Корнакова, который принимал самое заинтересованное участие в закреплении института в Красноярье, мы отправились по енисейскому тракту в Погорельский бор. К нам присоединился Лев Константинович Поздняков, имевший к тому времени опыт организации стационарных исследований в Якутии.

Погорельский бор устраивал всех своей доступностью. Сразу же стали продумывать создание объектов длительного наблюдения: питомника, дендрария, стоковых площадок, несколько позже – географических культур.

Вскоре заведующий лабораторией селекции, генетики древесных растений и семеноводства, прекрасный специалист, профессор Леонид Федорович Правдин, по состоянию здоровья, запросился обратно в Москву. Анатолий Борисович был ему благодарен за формирование коллектива лаборатории и попросил назвать своего преемника. Выбор пал на меня. Я был кандидатом наук и заведовал в Сибирском лесотехническом институте кафедрой лесных культур, имел хотя и небольшой, но опыт научно-организационной работы. У Анатолия Борисовича моя кандидатура возражений не вызвала. Так я стал заведующим лабораторией академического института. Институт с первых шагов на сибирской земле много внимания уделял, наряду с фундаментальными исследованиями, прикладным разработкам. Через несколько лет они приняли форму нормативных документов, регламентирующих проведение различных элементов лесохозяйственного производства. В этот период возник вопрос о необходимости в институте лаборатории лесных культур, но Анатолий Борисович проявлялдержанность. Возможно имело значение отсутствие в составе института крупного специалиста в этой области. Кроме того, само название «культуры» как бы примыкало к тематике сельскохозяйственных исследовательских институтов. В то же время институт активно стал разрабатывать приемы борьбы с эрозией почв в южных районах края с помощью посадок лесных полос.

В первые сибирские годы института важное место занимал выбор научных баз (стационаров). После прихода в институт я принимал участие в обсуждении выбора

места для стационара в горах Западного Саяна. Я эти места неплохо знал. К моему изумлению, стали выдвигаться предложения, далекие от их реализации. Это было понятно, ведь большинство собравшихся с Западным Саяном почти не были знакомы. Так, предлагалось научную базу создать в верховьях р. Нички. Этот вариант поддерживал приехавший из Москвы гидролог П.Ф. Идзон и другие специалисты. Незадолго до этого, имея соответствующие навыки, мы в эти места пробирались «на шестах» 18 дней. Когда я понял, что это лихое предложение того и гляди, может быть принято, попросил слово и в категорической форме стал критиковать такой выбор. К этой базе в состоянии могли добираться лишь хорошо подготовленные энтузиасты. Для остальных участие в исследованиях в таком месте было опасным. Мое выступление послужило причиной непринятия окончательного решения. На следующий день я был вызван к Анатолию Борисовичу. Понимая, что тон моего выступления былрезковатым, я имел основания рассчитывать на «проработку», а то и взбучку. К моему удовольствию, Анатолий Борисович встретил меня в директорском кабинете с улыбкой и попросил еще раз подробно изложить свои соображения. После этого на новом заседании снова обсуждались различные варианты и окончательный выбор был сделан в пользу Ермаковского стационара, недалеко от оживленного тракта Абакан-Кызыл. Я же тогда убедился в том, что Анатолий Борисович умел слушать участников обсуждений и принимать взвешенные решения. Дальнейшее общение с А.Б. Жуковым множило доказательства справедливости такого вывода.

Хорошо зная проблемы лесохозяйственного производства, Анатолий Борисович внимательно относился к особенностям ведения лесного хозяйства в Сибири. Этому способствовали доверительные отношения, сло-

жившиеся у него со специалистами лесного дела в Красноярске. Он никогда не уклонялся от общения с начальником Красноярского управления лесного хозяйства Владимиром Васильевичем Корнаковым и главным лесничим Иосифом Мартыновичем Савичевским, досконально знавшими край и положение дел в любом его уголке. Это имело особо важное значение, так как лесоустройством была охвачена лишь небольшая часть лесных массивов края. Эти специалисты высокого класса были надежным и часто единственным источником информации о лесных дела. Общался он и с таксатором Борисом Николаевичем Тихомировым, специалистом по подсочеке Павлом Константиновичем Кутузовым и многими другими красноярскими учеными лесного профиля.

Мое общение с А.Б. Жуковым позже проходило уже в Новосибирске, куда я переехал из Красноярска, по семейным обстоятельствам. Анатолий Борисович в мягкой форме отговаривал меня от переезда, но с моими доводами согласился. Через ряд лет я снова стал сотрудником Института леса и древесины, с согласия Анатолия Борисовича, хотя у него и было правило: добровольно ушедших из института обратно он не принимал.

В Новосибирске общение с Анатолием Борисовичем проходило в Объединенном ученом совете по биологическим наукам Сибирского отделения. Некоторое время я был ученым секретарем этого совета. Объединенный совет играл важную роль в развитии научных учреждений биологического профиля в Сибири и на Дальнем Востоке. В первые годы Сибирское отделение включало в себя и академическую структуру Дальнего Востока. Совет принимал к защите диссертации и был очень авторитетен своей объективностью оценок работ разных направлений. В состав совета входили специалисты различных разделов биологической науки: ботаники, лесо-

воды, зоологи, генетики, почвоведы, физиологи растений. Роль председателя такого совета была очень большая. Надо было обладать и общебиологической эрудицией и уметь прислушиваться к мнению специалистов-профессионалов. С этой задачей Анатолий Борисович справлялся образцово. Он никогда не использовал право председателя для навязывания своего мнения, но с таким аккумулировал позиции членов совета, и в первую очередь, «знатоков» того или иного вопроса.

На правах председателя Совета по биологическим наукам А.Б. Жуков часто обсуждал проблемы биологических институтов с Председателем Отделения Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым. По всему чувствовалось, что Анатолий Борисович пользовался у М.А. Лаврентьева особым доверием и уважением. Это было время насоков на генетику, в частности на Институт цитологии и генетики СО АН СССР. Распоряжения из Москвы требовали «укрепить кадры», известно, что это читалось как «сменить руководство». М.А. Лаврентьев вместе с Анатолием Борисовичем разрабатывали тактику сохранения института и его научной ориентации. В итоге, институт не только был сохранен, но и превратился в один из научных центров генетики в стране. Такие же «многиходовые комбинации» предпринимались и для ограждения от нападок Г.И. Галазия – защитника чистоты озера Байкал. Настойчиво Анатолий Борисович решал и вопросы создания новых институтов, в частности, Института почвоведения и агрохимии СО АН СССР (РАН), а также некоторых институтов на Дальнем Востоке. Этим он заслужил признание многих ученых биологического профиля в Сибири и на Дальнем Востоке. В памяти общавшихся с Анатолием Борисовичем он навсегда останется крупным ученым, блестящим организатором науки, интересным собеседником, доброжелательным человеком.

И.И. Гительзон

А. Б. Жуков глазами младшего современника

В первые мне довелось встретиться с А.Б.Жуковым в трудные для Института леса (тогда Леса и древесины) дни, когда был решен его выезд из Москвы и определялся выбор города в Сибири, куда «высыпался» Институт. Большое участие в привлечении института в Красноярск сыграл основатель академической науки в Красноярске Л.В. Киренский, его стратегическое видение будущего Красноярского Академического центра, да и просто свойственное его натуре радушное и широкое гостеприимство. Помнится беседа в его кабинете с делегацией представителей Института леса во главе с А.Б. Жуковым.

С определенной долей скепсиса и настороженности выслушивала делегация панегирик Красноярску и его перспективам из уст Леонида Васильевича. Маститые московские профессора мне, молодому в науке человеку, запомнились несколько недоверчивыми и встревоженными. Да это и понятно: в 50-е годы переезд из столицы в Сибирь виделся трагедией, чуть не катастрофой, твой он и оказался для некоторых других институтов, тогда же волею Н.С. Хрущева высыпаемых из Москвы.

В отличие от них, судьба Института леса, как мне видится, сложилась в Красноярске счастливо. Это не легкая и непростая операция – перевод большого коллектива со своими крепкими традициями и связями. Особенно трудно сохранить академический коллектив, в котором традиции и разумный консерватизм играют огромную роль. Уместно сравнить эту операцию с пересадкой на новую почву зрелого укоренившегося дерева – операцию

всегда болезненную с непредсказуемым результатом.

А.Б. Жуков оказался в этой ситуации мудрым лесоводом, под руководством которого институт пережил критический период и достиг устойчивого положения бесспорного лидера лесной науки в стране и известного в мировом лесоведении.

Большинство из нас, кому посчастливилось участвовать в становлении академической науки в Красноярске с первых шагов, были очень молодыми – со всеми преимуществами и недостатками этого возраста. На этом фоне спокойная, взвешенная мудрость Анатолия Борисовича, мудрость патриарха (ему тогда было всего-то около 60, но для нас 30-35 летних он виделся патриархом), служила необходимым стабилизатором. Эта его благотельная роль распространялась и на Сибирское отделение Академии, по меньшей мере, на его биологическую ветвь. Шестидесятые годы были очень не простыми для биологии у нас в стране. С одной стороны эра репрессивной диктатуры «лысенковщины» уже закончилась, восстанавливались и возникали заново биологические институты и лаборатории, занимавшиеся настоящей наукой. Советская биология спешила восстановить свои позиции, с запада приходили поразительные новости – открыт механизм наследственности, расшифрован генетический код. Для биологов старшего поколения это было время глубокого удовлетворения – оправдывались определившие время предвидения Вавилова, Кольцова – великих ученых погубленных в 30-е годы или успевших «счастливо» своевременно умереть. Но это было и время горького сожаления об упущеных возможностях, потерянных десятилетиях, загнанной в тупик советской биологии, занимавшей некогда передовые позиции. Для молодых биологов в 50-60-е годы обнаруживались в новой биологии буквально кружасие голову захватывающие

перспективы, открывающие горизонты, истинные лучи света знания в темном царстве воинствующего невежества «лысенковщины». Но тьма не уступала без сопротивления, возникали рецидивы, как поздние заморозки, особенно опасные для молодых ростков науки. Хочу рассказать здесь о роли, которую сыграл Анатолий Борисович Жуков в этот трудный период для биологии в Сибирском отделении.

Случилось так, что Н.С.Хрущев, озабоченный провальным состоянием сельского хозяйства в стране, поверил очередным послам Т.Д.Лысенко поднять задаром сельское хозяйство с помощью одного из своих чудодейственных рецептов. Их было много у него в запасе, и как только лопался один фокус, тотчас возникал новый посол. Старая тактика алхимиков, обещавших вот-вот превратить камни в золото, и в 60-е годы, когда основные открытия в молекулярной генетике, определившие лицо современной биологии, были уже общеизвестны. Как рассказывала дочка Н.С.Хрущева, Рада Никитична, хорошо образованный биолог, многолетний руководитель журнала «Наука и жизнь», все ее попытки просветить отца, уговорить его не позориться перед всем миром, встречались с гневом и в конце концов Никита Сергеевич запретил говорить с ним о Лысенко (-щине), которому державным повелением вновь была открыта зеленая улица. Вот в таком настроении, с очередной наивной верой в очередной его посол, приехал Н.С.Хрущев в Новосибирск посмотреть на становление Сибирского отделения Академии – одного из разумных его державных деяний. Как сообщает научный фольклор, по дороге из аэропорта в Академгородок М.А.Лаврентьев докладывал партийному лидеру о программе визитов в институты, и тот узнает, что Институт цитологии и генетики ему будет показывать член-корреспондент Н.Н.Дубинин, один из

немногих буквально чудом переживших гонения поры «лысенковщины» настоящих генетиков. Пока Н.С. Хрущев доехал до Института, Дубинин уже не был его директором, он был на пути в аэропорт, чтобы навсегда покинуть Сибирь. Институт генетики показывал уже Дмитрий Константинович Беляев, заместитель директора, будущий известный академик, а в тот момент всего лишь кандидат наук, потому что Высшая аттестационная комиссия, где господство «лысенковцев» было еще абсолютным, отклоняла неоднократно его докторскую диссертацию. Н.П. Дубинин был не только директором Института, но и председателем Объединенного совета по биологическим наукам Сибирского отделения. Надо сказать, что этот Совет сыграл огромную положительную роль в становлении биологии в Сибири, не только в Новосибирске, но и в Иркутске, Красноярске, Якутске. Благодаря регулярным сессиям этого Совета в Новосибирске и выездным, практически все биологи Сибирского отделения знали друг друга, это способствовало развитию сотрудничества и позволяло удержать высокую планку научного уровня, избегать опасности научного провинциализма – наибольшей угрозы для науки на географической периферии.

Не менее важно, что в этом Совете получили возможность защитить кандидатские и докторские диссертации по генетике, цитологии, биофизике и другим современным отраслям биологии молодые ученые Сибирского отделения. Именно, маститые ученые руководят теперь развитием биологической науки в Сибири.

С изгнанием Н.П. Дубинина, обезглавленным оказался и этот Совет. Возникла очень опасная для судеб биологии в Сибири, да и для личных судеб многих ученых, приехавших в Сибирь как в прибежище (Солженицын сказал бы «укрывающемся») для настоящей биологии,

так и для молодых, всходы которых могли быть подавлены очередным заморозком, а личные судьбы исковерканы запретом на занятие наукой, прелесть которой и притягательную силу они только что ощутили. Это был опасный, действительно судьбоносный момент в развитии биологии в Сибири. И вот тут в поисках спасительного решения проницательный взгляд М.А. Лаврентьева остановился на А.Б. Жукове – директоре Института леса в Красноярске, всего лишь докторе сельхознаук. Надо сказать, что в стенах Академии наук это недостаточно полновесная позиция для директора института и тем более руководителя всей ветви биологических наук в Сибирском отделении. Для полноправия в этой позиции нужно быть если не академиком, то хотя бы членом-корреспондентом, такова академическая традиция. Упомяну об этих обстоятельствах здесь, чтобы подчеркнуть, какая нелегкая ноша внезапно свалилась на Анатолия Борисовича. Он был достаточно загружен проблемами становления своего института. А тут еще внезапный выход на сцену под пристальное внимание партийных опекунов науки (сам Анатолий Борисович членом партии никогда не был) ко всем шагам этой крамольной науки – современной биологии, проштрафившейся перед партийным руководством.

Будучи членом Объединенного биологического совета с самого его основания, я имел возможность участвовать во всех этих перипетиях и с сочувствием наблюдать действия А.Б. Жукова в роли нашего председателя.

Выбор Лаврентьева был безошибочным. Анатолий Борисович оказался надежным защитником. Его зрелая мудрость, спокойствие, внешнедержанная, но всегда надежная и действенная помощь и доброжелательность сыграли огромную роль в судьбе многих биологов Сиби-

ри.

Живо вижу, как приехав на очередной Совет в Академгородок, он садится в кругу надежных единомышленников для обсуждения очередной трудной проблемы, привлекает всех к участию, гасит всплески эмоций, свойственные молодой безудержности своим мудрым спокойствием (при воспоминании об Анатолии Борисовиче именно это слово чаще всего приходит на ум – мудрость) неторопливо говорит: «Прежде всего надо понять, какая тут ситу...ация» (Отнюдь не пренебрегая богатством и выразительностью русского языка, он обычно использовал здесь более сильный вариант).

Приведу один пример его председательской находчивости. На заседании Сибирского Биологического совета один из его членов, видимо вдохновленный успехами сельского хозяйства при Н.С. Хрущеве (всегда находятся люди, стремящиеся бежать впереди паровоза) вдруг предлагает присудить Н.С. Хрущеву решением Совета звание почетного доктора биологических наук (т.н. *Doctor Honoris Causa*). Воцарилось молчание склоненных голов. Научная совесть не приемлет, но сказать первым нет, не решался никто. Конечно, это уже не сталинские времена, когда смертельный подвигом было бы не присоединиться к взрыву аплодисментов, однако гражданские последствия могли бы быть достаточно жестокими – изгнание из института, потеря любимой работы - для многих это жизненная катастрофа. Среди томительно затянувшейся тишины, Анатолий Борисович характерным своим жестом медленно заправляет папиросу в мундшук и так же медленно говорит: «Но товарищи, речь идет о государственном и партийном лидере, мы должны прежде посоветоваться с инстанциями, поручите это мне». Никто и никогда не спрашивал Анатолия Борисовича о результатах этого согласования и не возвращался

к этому вопросу. С общим вздохом облегчения инцидент был исчерпан, но много было других инцидентов, когда приходилось защищать эту «еретическую» новую биологию. Академик А.Б. Жуков с достоинствомнес эту ношу в самые трудные первые годы. Оказался надежен, «остойчив» на курсе, как говорят моряки.

Боюсь, современным молодым читателям покажутся непонятными мои воспоминания. Борьба с какими-то тенями, призраками. И прав будет такой современный читатель. Но понадобилось много лет нелегкой борьбы и противостояния против призраков и фантомов, обладавших поначалу весьма реальными, отнюдь не прозрачными административными возможностями диктата противодействия и даже подавления науки.

За последние десять – пятнадцать лет наука почти лишилась государственной поддержки, но обрела полную свободу в выборе путей. Каждый может для себя решить, что больше – потеря, но и что приобрели.

Говорят, что каждый человек похож на какое-нибудь растение или животное – есть люди-львы, люди-кролики, люди-кедры, люди-тростники. Анатолий Борисович Жуков представляется мне мощным деревом: густо разросшуюся крону держит мощный ствол, а корни ушли глубоко в землю, они не видны. Но не забывайте о корнях своей благодарной памятью.

В.А. Николаюк

Патриарх лесной науки

С Анатолием Борисовичем Жуковым мне пришлось часто встречаться и вместе работать над решением наиболее важных и острых вопросов в ходе осуществления мероприятий по развитию лесного хозяйства в стране в шестидесятых и семидесятых годах прошлого века, во время моей работы в должности первого заместителя председателя Государственного комитета по лесному хозяйству СССР (Гослесхоза СССР).

В этот период ежегодно наращивались объемы лесозаготовок и поставок древесины народному хозяйству и на экспорт. Запасы спелой древесины в европейской части страны, в наиболее обжитых и доступных для лесоэксплуатации районах, истощались. В то же время установленная расчетная лесосека в лесах Сибири и Дальнего Востока полностью не использовалась. Стал вопрос о необходимости перебазирования лесозаготовок в восточные районы страны. Это требовало создания новых лесозаготовительных мощностей в таежных малонаселенных местах, в условиях бездорожья и недостатка рабочей силы. Лесная промышленность, ссылаясь на недостаточное выделение капиталовложений на эти цели, а также в силу своей инертности и стремления выполнить установленные задания по заготовке древесины с меньшими затратами, не считаясь с экологическими и другими требованиями, старалась всеми силами удержать и даже нарастить объемы лесозаготовок в уже освоенных районах Европейско-Уральской зоны страны. На это были настроены отраслевые научно-исследовательские ин-

ституты Минлеспрома СССР. Активно велась работа и по привлечению к проведению этой линии среди ученых и специалистов лесного хозяйства. Наиболее активную поддержку лесозаготовители находили у академика ВАСХНИЛ Н.П. Анучина. Дискуссии по этому вопросу доходили до самых высших инстанций. При этом лесоводы всегда чувствовали поддержку со стороны академика Анатолия Борисовича Жукова.

Благодаря этому в европейской части России удалось сохранить леса и как источник получения древесины и как важный фактор, обеспечивающий сохранение окружающей среды. Анатолий Борисович проявлял заботу и о сохранении лесов Сибири. По поручению Государственного комитета по науке и технике, мне пришлось заниматься проблемой сохранения озера Байкал в качестве руководителя специально созданной комиссии. Комиссия при поддержке Анатолия Борисовича внесла предложение перевести леса, окружающие озеро Байкал до ближайших хребтов, в первую группу с сокращением размера рубки в водосборной площади. Это предложение было принято Правительством и вскоре начались осуществляться мероприятия по упорядочению рубки леса.

Развитие лесного хозяйства требовало разработки новых и совершенствования действующих нормативных документов, основанных на последних достижениях науки и практики. Многие документы, регламентирующие рубку леса, лесовосстановление, охрану от пожаров, вредных насекомых и болезней, особенно в регионах Сибири, направлялись на разработку в Институт леса. На заключение Анатолия Борисовича направлялись также документы, разрабатываемые другими институтами и учреждениями. Обычно после его заключения документы утверждались с учетом его замечаний и советов. Для лесоводов это была наивысшая научная инстанция при

решении всех спорных вопросов, возникающих в ходе осуществления научно обоснованного ведения лесного хозяйства. В среде лесоводов за ним закрепилось звание Патриарха лесной науки.

В шестидесятых годах мне было поручено возглавить рабочую группу по подготовке проекта закона об основах лесного законодательства СССР. В состав группы входили ученые и специалисты лесного хозяйства, лесной промышленности, сельского хозяйства, землеустроители, юристы и представители других отраслей народного хозяйства, деятельность которых была связана с лесным хозяйством. При подготовке проекта возник вопрос, как написать статью, определяющую комплекс леса и лесного фонда. В ранее принятом и действующем законодательстве в понятие «лесной фонд» входили покрытые лесом земли, а также непокрытые, но предназначенные для использования в лесном хозяйстве.

Представители сельского хозяйства и юристы такую трактовку «лесного фонда» не приняли, мотивируя тем, что земли не могут входить в состав лесного фонда, так как в ранее принятом законодательстве о земле записано, что все земли составляют единый государственный земельный фонд страны. В связи с этим входить в другой единый фонд они не могут. По их понятию, в единый государственный лесной фонд должны входить только леса (без земли), а земли должны оставаться в едином земельном фонде. Следовательно, лесное законодательство должно решать вопросы только лесных отношений, то есть связанные с лесной растительностью. Что касается земли, то все вопросы земельных отношений должны регулироваться земельным законодательством, и в понятие «леса» не должны входить земли. С таким бюрократическим определением леса, как древесной растительности без земли, на которой он произрастает, лесоводы не мог-

ли согласиться. Возник конфликт, дошедший до высших административных и научных инстанций. Анатолий Борисович выступил против такой бюрократической записи и активно защищал позиции лесоводов. В результате в законе появились две рядом стоящие статьи «лесной фонд» и «земли лесного фонда». Эти статьи хотя и не представляли лесной фонд как единый с землей природный объект, но предоставляли органам лесного хозяйства право регулировать земельные отношения на землях лесного фонда.

Окончательно этот вопрос был решен преемником Анатолия Борисовича академиком А.С. Исаевым при очередном дополнении и уточнении «Основ лесного законодательства».

Анатолий Борисович проводил большую работу по изучению и освоению лесных богатств Сибири, всячески содействовал развитию лесной науки. Вовлечение в хозяйственный оборот лесов в этом районе требовало проведения не только фундаментальных научных исследований, но и решения ряда прикладных научно-технических проблем. Наиболее важными для лесов Сибири были вопросы механизации лесохозяйственных работ и охраны лесов от пожаров. Государственный комитет лесного хозяйства СССР рассмотрел этот вопрос и принял решение организовать в данном районе отраслевой научно-исследовательский институт (ныне ВНИИ-ПОМлесхоз).

Анатолий Борисович принимал активное участие в этой работе. Он всячески содействовал претворению в жизнь этого решения. Выделил земельный участок на территории Института леса для строительства лабораторного корпуса и экспериментальных мастерских. Оказывал всяческую помощь и поддержку руководству института в строительстве, укомплектовании специалиста-

ми и проведении научных исследований, закреплении за институтом одного из ближайших лесхозов для проведения опытных работ.

Эти отдельные эпизоды характеризуют Анатолия Борисовича, как ученого, не стоящего в стороне от решения хозяйственных и производственных проблем в лесном хозяйстве. Анатолий Борисович пользовался большим авторитетом у работников центральных и республиканских органов по управлению лесами, давал консультации и дальние советы по важнейшим вопросам развития лесного хозяйства. Скромность, интеллигентность, высокая эрудиция были неотъемлемыми его качествами. Он был ученым, не замкнутым на решении каких-то узких научных проблем, его живо интересовали практические дела, работа предприятий, отраслевые проблемы, он выражал готовность всегда оказать возможную помощь в их решении.

Р.А. Зиганшин

Масштабный и добрый человек

В первые год-два моей работы в институте (1963-64 гг.) я встречался с Анатолием Борисовичем Жуковым, как правило, на лестничном марше парадной лестницы - между вторым и третьим этажами здания института на проспекте Мира, 53. Обычно навстречу мне вверх по лестнице, перешагивая через ступеньки, энергично поднимался моложавый, седеющий, сосредоточенный человек, вроде бы не замечавший наших приветствий (молодых сотрудников), чем нередко шокировал нас. Думалось, что может быть это заносчивый администратор, недостаточно уважающий незнакомое ему младшее поколение ученых. Но вскоре выяснилось, что это совсем не так. Анатолий Борисович оказался внимательным и чутким руководителем большого коллектива ученых. Некоторая рассеянность при мимоходных встречах объяснялась большой сосредоточенностью на текущих и предстоящих научных задачах института, намеренным отвлечением мыслительной деятельности от бытовых мелочей.

Мне было приятно, что на втором году моей работы в институте, Анатолий Борисович заинтересовался моей первой публикацией в научном сборнике лаборатории лесоустройства и лесной таксации, изданном в Москве. Он высказал свою положительную оценку через руководителя группы лесной таксации - Ивана Васильевича Семечкина. В дальнейшем я выступал с докладами в институте на первых конференциях молодых ученых. В

президиуме – жюри сидел Анатолий Борисович и очень внимательно, никого не перебивая, слушал. Мои сообщения были посвящены биологической продуктивности.

В то же время Анатолий Борисович мог во время выступлений сотрудников ставить острые и трудные для ответов вопросы, заставлявшие докладчиков предельно концентрировать свои знания, внимание и волю, чтобы достойно ответить директору. Особенно это наблюдалось, когда заведующие лабораториями докладывали о новых, иногда непривычных для слушателей научных направлениях. Так, например, было при докладах кандидатов (ныне докторов) наук В.Ф. Лебкова (по вопросам организации лесного хозяйства в горных лесах) и Д.М. Киреева (о ландшафтном методе изучения лесной растительности).

Ставя выступающих в положении обороняющихся, Анатолий Борисович заставлял их еще и еще раз посомневаться в своей правоте. В итоге открывались новые детали планируемых исследований, и докладчики, в конце концов благополучно и с достоинством завершали свои выступления, обогащенные новым более разносторонним видением поставленной проблемы.

В связи с этим помнится обстоятельный доклад в конце шестидесятых годов по совершенно новой теме (использованию химических методов при рубках ухода и выращивании лесных культур) младшего научного сотрудника П.Г. Масленкова. Несмотря на добротную «подкованность» разработчика темы, Анатолий Борисович высипал перед ним по ходу доклада такой веер вопросов, замечаний, поправок, что в пору было только удивляться, откуда директор настолько глубоко и детально знает поднятую проблему, видит невидимую часть «научного айсберга». Его замечания и вопросы не редко настолько озадачивали докладчика и слушателей в

зале, что думалось, а все же Анатолий Борисович, без сомнения, лесной энциклопедист и что он лучше любого из нас разбирается в наших собственных научных проблемах.

На ученых советах и при защите диссертаций Анатолий Борисович всегда представлял выступающих и задающих вопросы из зала. Делал он это достаточно громко и красиво. Назывались имя, отчество и фамилия, причем фамилия произносилась раскатисто и с любовью в голосе (по крайней мере, так казалось мне). Тогда в институте работал целый ряд лесных корифеев, докторов наук, профессоров: Г.П. Мотовилов, В.А. Баженов, Н.И. Пьявченко, Е.Я. Судачков, Н.В. Орловский, Л.Ф. Правдин и др., в основном приехавших с Анатолием Борисовичем в Сибирь из Москвы при переводе института «ближе к тайге». Называть их имена и фамилии Анатолию Борисовичу доставляло удовольствие.

Анатолий Борисович активно участвовал в организации новых лесных стационаров. В Прибайкалье он побывал в самых удаленных точках экологического профлия - г. Бабушкин – пос. Таежный. В Западном Саяне, оступившись на круче по дороге к пробной площади, едва не упал с высокого обрыва, но его успели поддержать. Неоднократно, выезжая на действующие стационары с инспекторской проверкой, он посещал все опытные объекты и давал полезные советы, ободряя исполнителей. Мы были благодарны за внимание к нам.

Накануне полевого сезона (1972 г.) Анатолий Борисович организовал в своем кабинете обсуждение поставленной перед институтом, как и перед другими институтами Сибирского отделения АН СССР, «Байкальской проблемы». Нас – будущих «байкальцев» (тех представителей разных лабораторий, кого отрядили на работу по этой тематике) собралось несколько десятков. Мы

расселись по всем углам, вдоль стен и за столами про-
сторного директорского кабинета в старом здании инсти-
тута на проспекте Мира.

Во вступительном слове Анатолий Борисович объяснил конечную цель, аспекты проблемы, которые надо решать нашему институту, а затем, попыхивая сигаретой за своим большим директорским столом, стоявшим у лицевой стенки, стал обращаться с вопросами к присутствующим и предложил высказать свое мнение. Завязался диспут. Многие поднимали самые неожиданные вопросы. Солидный, рассудительный почтовед Степан Александрович Коляго решил «заострить» проблему в неожиданном ключе. Он буквально выразился так: «Сколько пива – столько песен!», давая понять собравшимся, что каков будет размер финансирования экспедиционных работ, такова будет и отдача научного коллектива. Вокруг этого афоризма разгорелась новая жаркая дискуссия. Тогда Анатолий Борисович невозмутимо и абсолютно резонно подвел неожиданный итог обсуждению: «Успокойтесь, пожалуйста, здесь хватит работы не только Вам, но и Вашим внукам!» Как ушат воды на нас вылил. Такое заключение всех потрясло. Мы то думали, что мы при желании можем все перевернуть и все решить в перечне байкальских задач, если потребуется – прыгнуть выше головы, а оказывается мудрый Анатолий Борисович, от нас этого и не требует. Он просто призывает достойно и серьезно включиться в меру наших сил талантов в эту грандиозную, общесоюзную экологическую проблему. После этого обсуждение приняло деловой и спокойный тон. Вот так, одним замечанием Анатолий Борисович был способен изменить или повернуть в другое русло ход дискуссии любого коллектива специалистов.

Анатолий Борисович всегда был чуток и без лишних слов поддерживал сотрудников (например,

Н.Ф.Петрова, И.И.Панарина), несмотря на негативное отношение к ним некоторых других членов коллектива института. Главным критерием для него было трудолюбие, научная честность и эрудиция исполнителя, а не околонаучные слухи о нем. Долгие годы Анатолий Борисович благоволил к талантливому лесоводу Н.П.Поликарпову, имевшему свободный режим рабочего дня, передал ему свою лабораторию, поручал в первые годы (1972-73 гг.) курировать байкальскую проблему.

Пришлось и мне прочувствовать его мудрую поддержку. В семидесятых годах два старших научных сотрудника нашей лаборатории выразили недоверие мне по части моих научных способностей. Якобы я очень неплохой инженер, но «никакой» научный сотрудник. Вопрос просочился через заведующего лабораторией (И.В.Семечкина) до Ученого совета и дирекции. Авторы жалобы хотели устроить мне публичную порку за мою научную строптивость. Это был не первый случай «публичных казней». Помню, как способного и делового младшего научного сотрудника С.С. Федотова (из лаборатории лесного болотоведения) после долгого и бурного разбирательства на открытом Ученом совете «разжаловали» в старшие лаборанты. В случае со мной Ученый совет был закрытым, присутствовали все заведующие лабораториями, все члены Ученого совета, дирекция, члены месткома, парткома, комитета комсомола, жалобщики и я – ответчик. Директорский кабинет в новом здании в Академгородке был заполнен до отказа. Удивленно и сочувственно поглядывали на меня завлабы: ведь они меня считали достаточно способным научным сотрудником, а тут – на тебе: «Федот – да не тот!». Дали высказаться жалобщикам и завлабу, от дирекции выступал зам. директора А.С. Исаев. Мне задали ряд вопросов. Но поднятый жалобщиками вопрос четко «не вытанцовывался»,

годовые научные отчеты я писал все же исправно. С заключительным словом выступил Анатолий Борисович. Он в спокойной манере сделал примерно такое заключение: «Дело не в человеке и не в его способностях, а, по-видимому, в несовместимости некоторых наших сотрудников. А посему, вас надо развести». Надо сказать о таком решении я мог только мечтать! Погоны мэнээса на мне сохранились, и работать дальше я мог так же самостоятельно, как и до этого. А что для молодого научного сотрудника может быть слаще самостоятельности?!

Я часто ощущал внимательное и дружелюбное отношение ко мне Анатолия Борисовича. Он мог около нашего дома остановить директорскую «Волгу» и пригласить садиться (это было нечасто, когда я немного опаздывал на работу из Академгородка в центр города, приходилось сказываться больным – ведь так стыдно было признаваться, что я опаздываю). Вместе со своей супругой Любовью Владимировной Анатолий Борисович подарил моим малолетним детям (мы жили в одном подъезде) прекрасного разноцветного «поющим» волчка. Помню, что эта ручная юла очень нравилась детям, а еще больше мне.

Нередко встречались с Анатолием Борисовичем на прогулке у строящегося здания института в Академгородке, куда я ходил с детьми, а Анатолий Борисович регулярно интересовался ходом строительства. Мы вместе кормили хлебом дворняжку, которая на первом этаже принесла щенков. Следы этой легендарной буроцветной собачонки навсегда запечатлелись на бетонном полу первого этажа. Часто встречались мы на зимних прогулках (я как всегда был с детьми) у нашего дома, обсуждали ужасный холодный туманный енисейский смог, которым затягивало нижний Академгородок в зимние дни, прятались за торцом дома от сибирского «хиуса», и в это

время Анатолий Борисович охотно отвечал на мои вопросы о жизни классиков советского лесоводства, которых он знал лично (Г.Н. Высоцкого, М.Е. Ткаченко и др.). Я был поражен, что непрекаемый для меня авторитет, знаток многих иностранных языков профессор Михаил Елевферьевич Ткаченко в поисках заработка для своей большой семьи вынужден был до 1951 года ездить из Ленинграда в Москву для чтения лекций студентам.

Весной 1966 года Восточно-Сибирское лесоустроительное предприятие (где я начинал в 1962 году работу после окончания Лесотехнической академии) предложило мне возглавить опытно-производственную партию. Узнав о моем согласии, Анатолий Борисович пригласил меня к себе в кабинет и провел задушевную беседу, без свидетелей. Сказал, что он тоже долго работал на маленькой зарплате, что в науке надо уметь терпеть материальные лишения, чтобы выиграть в итоге в научном плане, рекомендовал не уходить из института. Я все же отработал в том году полевой и камеральный сезоны в предприятии и собрал замечательный материал по лесам красноярского лесхоза, а в декабре, по конкурсу, вернулся в институт. Анатолий Борисович предпочел тогда меня другому конкурсанту и не стал укорять за недавний уход.

И после своего отъезда в Москву, Анатолий Борисович при случайных встречах около института в Красноярске, всегда расспрашивал о работе и о семье. Честно говоря, и к глубокому сожалению, мне тогда нечем особенно было похвастать: продолжался монотонный набор большого материала по лесам Прибайкалья, а с семьей после развода было совсем плохо.

Я навсегда благодарен ему за внимание и чуткость к скромному младшему научному сотруднику. Он был чуток ко многим. Жил одной жизнью с коллективом,

участвовал и в грандиозных институтских праздничных вечерах, и в озеленении Академгородка, и в прощаниях с безвременно ушедшими из жизни сотрудниками.

Анатолий Борисович Жуков никогда не состоял в компартии (хотя это было тогда непременным условием для руководящих работников), но вместе с тем пользовался большим уважением в Краевом комитете партии (был и депутатом Верховного Совета СССР) и ему очень симпатизировал Председатель Сибирского отделения АН СССР знаменитый академик М.А. Лаврентьев, при котором Анатолий Борисович стал Председателем Объединенного совета по биологическим наукам, а также академиком.

В моей памяти Анатолий Борисович Жуков навсегда остался энциклопедически подготовленным лесоводом, талантливым организатором большой науки, чутким и доступным человеком, без всякого ненужного налета «академизма». А это под силу только глубоким и масштабным людям.

Р.А. Коловский

Опекая по-отечески

Y

каждого свой путь в науку. Мое желание заняться после окончания вуза научным трудом формировалось постепенно. Главным был, конечно, пример отца, широко эрудированного ученого, известного в городе теоретика и практика. Осознанное намерение заняться лесной наукой пришло во время лекций Л.А. Марцинковского, вдумчивого и знающего лесовода. Он не просто излагал учебник, а ставил вопросы и заставлял думать. Думать мне нравилось, и как выразился Людвиг Антонович, голова у меня в этом плане была «светлая».

Когда я был на четвертом курсе, он сообщил о намечаемом в 1959 году переезде в Красноярск из Москвы известного в лесных кругах академического Института леса. Для меня это имело немаловажное значение, так как у меня была возможность получить свободный диплом. В те годы действовало жесткое распределение на периферию и трехлетняя обязательная отработка диплома.

В 1958 году я закончил СибЛТИ, а Институт леса АН СССР все еще пребывал в Москве с весьма туманной перспективой переезда. Потратив отпуск на поиск работы (а от молодых «специалистов» лесохозяйственного факультета все шарахались) удалось поступить техником-топографом в изыскательский отдел института Красноярсккрайгорпроект. Объездив с нивелиром полкрая, к весне 1959 года я дослужился до инженера-топографа и начальника отряда. Где-то в мае или июне,

перед очередной длительной командировкой наконец выяснилось, что представители долгожданного института уже в Красноярске и принимают в помещении бывшего лесотехникума на проспекте Мира. Я пришел туда рано утром и действительно встретил в одной из комнат второго этажа чрезвычайно худого и суховатого в обращении ученого секретаря института – В.В. Протопопова. Он посоветовал прийти мне на следующий день, когда будет сам директор, профессор А.Б. Жуков. Это был первый в моей жизни столичный профессор. Он весьма благожелательно выслушал мою путаную речь о большом желании не вообще работать в академическом институте, а только в лаборатории физиологии древесных растений, если таковая есть. Оказалось, что есть и возглавляет ее Н.А. Хлебникова, ученица самого Л.А. Иванова. В то время она в Красноярск еще не приехала, и Анатолий Борисович предложил мне съездить летом в экспедицию в Приангарские леса с начальником лесоводственного отряда Е.Н. Савиным. При этом он сказал, что я могу считать себя принятым на работу в Институт леса и древесины СО АН СССР в качестве лаборанта.

Не чуя ног, побежал в свою уже ставшей родной, изыскательскую контору на берегу Качи увольняться. Начальниками там тогда работали добрейшей души люди. Они не стали меня удерживать, хотя срывалась важная работа, и посоветовали для будущих моих благ оформить увольнение переводом, что я с согласия В.В. Протопопова сделал.

Двухнедельная экспедиция в Тасеевские сосновые боры мне понравилась. Уже тогда Евгению Николаевичу все было понятно в лесу. Удивила его способность не снимать свитера и телогрейки в самую жуткую жару.

Вторая поездка в эти же места на 2, 5 месяца с отрядом, в составе которого были почвовед, ботаник, сту-

денты, с закладкой пробных площадей была менее привлекательна: плохое питание, почти военная дисциплина, отсутствие общих интересов, однообразие. Уже тогда я считал, что лесные проблемы эффективней изучать методами физиологии, а не только с помощью мерной вилки и потому по приезде в Красноярск стал настаивать на скорейшем переходе в лабораторию физиологии и экологии древесных растений. Об экологии в то время я имел смутное представление. Перевод этот затянулся до нового, 1960 года и состоялся, в основном, по настоянию Анатолия Борисовича. Как выяснилось впоследствии, лесоводы меня не хотели отпускать, а Н.А. Хлебникова не хотела принимать. Я не подходил под ее эталон лаборанта. Она предпочитала послушных сотрудниц желательно с университетским образованием, а тут настырный юноша - лесхозник с примитивными знаниями физиологии.

Конец зимы прошел в сплошных аврахах по разгрузке вагонов с оборудованием из Москвы, обустройстве лаборатории, в знакомстве и овладении методиками. Уже было известно, что основной состав лаборатории едет в числе других разворачивать исследования на Ермаковском стационаре в Западном Саяне. Это было «событие века». Человек 80, в основном, молодых, долгое, трехсуточное плавание до Минусинска и столь же долгое житье лагерем на пристани в окружении гор ящиков. Наконец пришла колонна московских грузовых машин и караван тронулся. И здесь по пути произошло событие, которым Ермаковский стационар чуть не закончился. У автобуса, в котором ехал практически весь будущий комсостав Института, отказали на самом большом перевале тормоза и только благодаря провидению лесная наука в Институте леса вот уже более 40 лет процветает.

Не буду описывать романтику «Филина Ключа», но за решение кедровой проблемы все взялись рьяно.

Правда, мне кажется, что никто толком не знал, в чем она заключалась. Как потом я понял, в традициях этого Института была заложена жуткая работоспособность. Все «пахали» по 12-15 часов, получая громадное количество различной информации. Руководитель лаборатории, на мой взгляд, понял проблему несколько примитивно: выяснить причину крайне угнетенного состояния подроста кедра в сравнении с могучим 40-метровым материнским древостоем. Методы же и способы решения были четко запрограммированы по предыдущему стационару в полупустынном Заволжье: водный, световой режим, минеральное питание. Впрочем, последним занялись только на второй-третий год, а в первое лето была на первом месте сосущая сила, фотосинтез, световой режим. С падачи лесовода Николая Павловича Поликарпова (физиологи исстари должны были обслуживать интересы лесоводов), каждый день с 5 утра со всем оборудованием, колбами, реактивами тащились по тайге 5-7 км на самые дальние пробные площади. Поскольку естественный лес «мокрого» Западного Саяна был полной противоположностью посадкам в полупустыне – результат этого сизифова труда был очевидным.

Для меня это лето не прошло даром. Появились сомнения в правильности классической формулы, согласно которой основными факторами угнетения подроста являются свет, влага и минеральное питание. Для условий Саян это выглядело особенно абсурдно (700-1000мм осадков, древостои 1-11 классов бонитета). Под подозрением оставался свет. На следующее лето, сверх принятой к исполнению как всегда обширной программы, мне удалось провести самостоятельное исследование оценки влияния количества света на прирост верхушечного побега. И получил предполагаемый результат: корреляционная связь между этими величинами отсутство-

вала. Тем не менее, при обсуждении в лаборатории моя работа подверглась критике. Начался черный период – формирование в глазах сотрудников представления о моей профнепригодности. И здесь вновь Анатолий Борисович совместно с Л.К. Поздняковым отвели от меня реальную угрозу ухода из Института.

После ухода из жизни заведующей, с разрешения уже нашего куратора – А.Б. Жукова, я опубликовал результаты этих исследований. Впоследствии узнал, что они были высоко оценены известным «световым» авторитетом В.А. Алексеевым.

На фоне этих рутинных исследований оставался открытый вопрос – в чем все-таки причина угнетенного состояния подроста в горнотаежных лесах. Литература однозначно свидетельствовала, что это следствие корневой конкуренции. Опыты Fricke, Кощеева и др. указывали на ее превалирующую роль, значительно превосходящую «световой» фактор и тем более минеральное питание. Каков же тогда мог быть механизм этой конкуренции? Помню, что мысль о биоэлектрической ее природе пришла внезапно, после прочтения небольшой заметки об открытии биополя человека. Конечно же, дело было во взаимовлиянии биоэлектрических полей корневых систем взрослого дерева и подроста, подавлении энергетики, ритма роста последнего. Написанную наспех гипотезу я показал профессору Н.И. Пьявченко, заместителю директора, который на следующее утро навсегда покидал Красноярск. Его оценка вдохновила меня на дальнейшую работу по биоэлектрогенезу древесных растений.

С благодарностью еще раз хотелось бы отметить заинтересованность и поддержку Анатолия Борисовича при выполнении этой экзотической даже для стен академического института темы.

Уже в конце 80-х годов идея о сочетании на раз-

ных этапах онтогенеза биоэлектрической и аллелопатической составляющей в механизме корневой конкуренции получила высокую оценку Д.М. Гродзинского, но запланированной совместной работе помешала его безвременная кончина.

Полученные в Институте леса и древесины навыки научно-исследовательской работы помогли мне выполнить еще одну работу: организовать и провести широмасштабный экологический мониторинг лесов заповедника «Столбы». На пятый год работы получен диагноз их состояния и прогноз на ближайшее будущее.

Л.И. Милютин

Наставник в жизни и науке

A

натолий Борисович Жуков около 30 лет проработал в отраслевых институтах (УкрНИИЛХА, БелНИИЛХ, ВНИИЛМ), но, несмотря на это, испытывал глубокое уважение к науке фундаментальной, академической. Правда внешне он старался это уважение не проявлять, больше того, иногда иронично отзывался о некоторых чересчур академичных, оторванных от реальной жизни исследованиях. В этом отношении показателен следующий эпизод. Я подготовил кандидатскую диссертацию о формах ели) и был в некотором затруднении: кандидатом каких наук – биологических или сельскохозяйственных я должен был стать. Обратился к Анатолию Борисовичу, как к председателю диссертационного совета Института леса и древесины СО АН СССР. Он внимательно выслушал меня и сказал: «Если Вы выявили какие-то интересные закономерности в природе леса, в Вашем случае в изменчивости ели, то защищайтесь на степень кандидата биологических наук». Потом помолчал некоторое время и продолжил: «Но если выявленные Вами закономерности еще и полезны для практики, для производства, то Вы должны стать кандидатом сельскохозяйственных наук».

С особым интересом А.Б. Жуков относился к генетике, что, по-видимому, объясняется несколькими причинами. Во-первых, он начинал свою научную работу в 20-е годы на Украине, когда там успешно развивались лесная генетика и селекция (А.И. Колесников и др.). В эти годы появились и его собственные работы о географических культурах. Во-вторых, он пришел в Институт

леса в 50-е годы, когда В.Н. Сукачев вел непримиримую борьбу с взглядами Т.Д. Лысенко и его последователей. В эту борьбу внес свою лепту и А.Б. Жуков. Как крупнейший специалист по дубовым лесам, он выступил с резкой критикой рекомендуемых Т.Д. Лысенко гнездовых посевов дуба. И, в-третьих, научная судьба крепко связала А.Б. Жукова с прекрасной плеядой новосибирских генетиков 60-70-х годов (Д.К. Беляев, В.В. Хвостова и др.). Он сменил Н.П. Дубинина на посту председателя Объединенного ученого совета СО АН СССР по биологическим наукам и занимал этот пост почти 20 лет. Его заместителем был Д.К. Беляев, который относился к Анатолию Борисовичу с глубочайшим и подчеркнутым уважением. Это и неудивительно, так как Анатолий Борисович вел упорную борьбу за избрание Д.К. Беляева членом-корреспондентом, а затем и действительным членом АН СССР. В Объединенном ученом совете, руководимом А.Б. Жуковым, защищали свои диссертации многие известные генетики: Н.Н. Воронцов, А.В. Яблонков и др.

А.Б. Жуков с большим вниманием относился к сотрудникам лаборатории лесной генетики и селекции руководимого им института, к их проблемам, направлениям работы. Несмотря на финансовые сложности, он активно поддержал инициативу А.И. Ирошникова по созданию географических культур хвойных пород в Сибири.

Я обязан Анатолию Борисовичу одним знаменательным событием в моей жизни, также косвенно связанным с генетикой. А событие это заключалось в следующем. В 1963 году я защитил кандидатскую диссертацию, а в 1964 году меня, молодого кандидата наук, младшего научного сотрудника совершенно неожиданно для меня избрали секретарем партийного бюро института. Впро-

чем, секретарем я, по-видимому, оказался неважным, через год меня переизбрали, причем ортодоксальные коммунисты резко критиковали меня за либерализм и мягкотелость. Никаких заслуживающих внимания воспоминаний о моем секретарстве у меня не осталось, кроме одного. Однажды в 1965 г. Анатолий Борисович пригласил меня к себе и спросил: «У Вас нет желания съездить в Москву, на годичное собрание АН СССР? Там, кажется, будет много интересного, ожидается разгром Трофима» (так он называл Т.Д. Лысенко). На это я резонно ответил, что с превеликим удовольствием, но меня никто туда не приглашал. Анатолий Борисович, не выпуская из рук программу годичного собрания, вслух прочитал: «Приглашаются директора институтов, секретари партийных организаций институтов...» Я, конечно, ответил согласием, и через несколько дней мы уже летели в Москву.

Прямо из аэропорта мы поехали в Президиум АН СССР, и там обнаружилось, что произошло недоразумение. Нужно сказать, что большинство сотрудниц научно-организационных отделов Академии и в Москве, и в Новосибирске любили Анатолия Борисовича за спокойный веселый нрав, за отсутствие гонора, немалую роль играло и его несомненное мужское обаяние, которое он сохранял до последних дней жизни. Поэтому и на этот раз сотрудницы, выдававшие пропуска на годичное собрание, весело защебетали вокруг него. Наконец, выдав ему пропуск, они обратили внимание на меня, скромно стоявшего в сторонке. «А Вы к кому?» Вместо меня бодро ответил Анатолий Борисович: «А это наш секретарь партбюро, он приехал со мной». У всех сотрудниц брови недоуменно взметнулись вверх: «А зачем он приехал?» Я стоял обескураженный, а Анатолий Борисович так же бодро произнес: «Ну, как зачем? Написано же, что приглашаются секретари партийных организаций». Последовала

укоризненная просьба: «Читайте дальше». И Анатолий Борисович медленно прочитал фразу до конца: «...партийных организаций институтов, расположенных в Москве» и рассмеялся: «А я до конца и не дочитал». Наступила тягостная немая сцена, которую снова прервал Анатолий Борисович: «А почему красноярский секретарь хуже московского?» Ему устало, как непонятливому ребенку, объяснили: «Не хуже, но у нас нет мест в гостиницах». Тут, наконец, решил вмешаться и я: «А мне не нужна гостиница, я останавливаюсь у родственников». А.Б. Жуков, торжествуя, посмотрел на сотрудниц, одна из них сокрушенно махнула рукой и выписала мне пропуск. Так попал я на то знаменитое собрание АН СССР, слушал страстные выступления В.Н. Сукачева, Б.Л. Астаурова и других ученых, наблюдал полный и окончательный разгром Т.Д. Лысенко и его последователей. Конечно, Анатолий Борисович прочитал то злополучное приглашение до конца, но желание дать мне возможность стать свидетелем исторического события взяло верх.

Сыграла свою роль, конечно, и любовь Анатолия Борисовича к шутке. Юмор был неотъемлемой чертой его характера. Вспоминается такой случай. В 1968 г. меня назначили ученым секретарем института. И сразу на меня обрушился шквал «бумаг». Все эти распоряжения, постановления, приказы требовали ответов, реакции. Я не знал, за что хвататься, что делать в первую очередь. И, конечно, пошел за советом к Анатолию Борисовичу. Он выслушал меня, посочувствовал, отпустил гневную тираду в адрес чиновничьей братии, а затем неожиданно засмеялся: «Знаете, вместо совета я Вам лучше расскажу одну историю. Дело было еще до революции. Поезда ходили медленно, с большими остановками на станциях. И вот ехали на поезде два деревенских мужика. На какой-то станции они вышли прогуляться, зашли в привокзальный

буфет и сели пить пиво. Вдруг прозвенел колокол, и голос начальника станции предупредил: «Господа пассажиры! До отхода поезда осталось пять минут, прошу занять свои места в вагонах». Мужики не обратили должного внимания, один другому сказал: «Это не нам». Затем снова звонит колокол и звучит более настойчивое требование: «Господа пассажиры! До отхода поезда осталось две минуты. Прошу занять свои места в вагонах». Мужики снова не шелохнулись, говоря: «Это снова не нам». После третьего звонка на них набрасывается начальник станции: «Мать-перемать, Вы что не садитесь?» Мужики переглянулись: «Вот это нам» и побежали к вагону». Посмеявшись, Анатолий Борисович заключил: «Если напомнят: «Мать-перемать и так далее», значит, дело нужное, надо срочно отвечать, а не напомнят, значит бумага ненужная, отвечать необязательно».

Так в шутливой форме он дал мне добрый совет, который я запомнил на всю жизнь, и, следуя которому, я не раз выпутывался из сложных ситуаций. Вообще работа рядом с Анатолием Борисовичем была прекрасной школой, и если в области моих научных интересов он не был моим непосредственным учителем, то в сфере организации науки я горжусь тем, что учился у такого Мастера.

А.Б. Жуков в моей судьбе

Приступая к воспоминаниям, я хотела бы сразу сказать, что любые материалы мемуарного характера неизбежно несут отпечаток жизненного опыта автора, то есть в той или иной мере субъективны. Но мое желание – не дать эмоциям войти в противоречие с реальной правдой, а сохранить те эпизоды жизни и их оценки, которые еще помнят и разделяют со мной многие мои друзья и коллеги.

Остановлюсь на тех сторонах личности этого незаурядного руководителя и человека, которые сыграли роль в моей собственной биографии. И тут мне нельзя не коснуться того, что я увидела через отношение А.Б. Жукова к Н.П. Поликарпову, а также и к себе, и к нашей с Николаем Павловичем последующей совместной жизни и работе.

Мне довелось узнать Анатолия Борисовича Жукова как директора Института леса и древесины АН СССР в 1959 году. Он формировал в Сибири новый академический институт, кадры которого были лишь отчасти укомплектованы бывшими московскими сотрудниками, переехавшими из Москвы в Красноярск в тот же год. В числе их был и Николай Поликарпов, незадолго до этого завершивший кандидатскую диссертацию под руководством проф. В.П. Тимофеева и полный желания работать в лесах Сибири. Знаю, что Анатолий Борисович очень надеялся на него и не раз говорил, что с такими локомотивами, как Н. Поликарпов, они горы сдвинут, и никакие испытания им не страшны. Их многое сближало, даже то, что Анатолий Борисович хорошо знал дубовые

леса европейской части страны, а Н.П. Поликарпов тоже был с ними знаком с детства и юности, часто выезжая в них с отцом, старшим лесничим Моршанского лесхоза Тамбовской области П.А. Поликарповым. У отца Николая Павловича и у Анатолия Борисовича были общие друзья и знакомые, конечно, из мира лесных специалистов.

Были, однако, и более важные моменты, объединяющие зав. лабораторией лесоводства А.Б. Жукова и молодого специалиста Николая Поликарпова. Оба были лесоводами не только по профессии, но и по призванию, оба во многом одинаково смотрели на жизненные проблемы, хотя их разделяла заметная разница в возрасте, около 30 лет. Оба были наделены независимым, даже упрямым характером, чувством собственного достоинства, хорошим чувством юмора, отличались принципиальностью в науке и скромностью в обыденной жизни. Анатолий Борисович уважал и ценил в Н. Поликарпове не только талант ученого и его знание леса, но и многие черты его весьма уникальной личности. Хотя Анатолию Борисовичу были знакомы и его "недостатки", такие как инерция, бескомпромиссность, упорство, но было в характере Анатолия Борисовича умение уважать другую личность, и это дорого стоило, и многим он запомнился именно этим.

А.Б. Жуков вместе с несколькими другими ведущими специалистами из Москвы – В.А. Баженовым, Г.П. Мотовиловым, Е.Я. Судачковым, Л.Ф. Правдиным, Л.К. Поздняковым, В.Н. Смагиным, Н.И. Пьявченко, Н.А. Хлебниковой, Е.Н. Савиным, а также с более молодым поколением – Н.П. Поликарповым, В.Ф. Лебковым, Г.И. Гирс, Н.Е. Судачковой и другими создавали Институт практически заново. Поначалу их было около 25 человек, но потом число сотрудников быстро возросло за

счет приехавших отовсюду специалистов разного профиля – лесоводов, лесных физиологов, почвоведов, геоботаников-лесотипологов, энтомологов, экономистов, таксаторов, лесопатологов, древесиноведов, микробиологов, селекционеров.

Итак, с 1959 года начался новый этап нашей жизни, целиком посвященный проблемам лесоведения и лесоводства на обширной и мало изученной части России. Это были годы большого творческого подъема и самоотдачи, экспедиционных работ в слабо изученных еще районах Сибири, время организации стационаров – Ермаковского, Байкальского, Хакасского, Томского, Погорельского и других. Первый из них – Ермаковский горный стационар в Западном Саяне – выбирали в 1960 году Н.П. Поликарпов, я как лесотиполог и М.П. Смирнов как почвовед-географ. Этот выбор был одобрен А.Б. Жуковым, и много лет этот стационар был базой для комплексных биогеоценотических исследований в горных лесах, прежде всего, в кедровниках. Так получилось, что Н.П. Поликарпов с первых лет работы в Сибири принял на себя груз проблем, связанных с ведением многоцелевого хозяйства в кедровых лесах, с организацией хозяйства в лесах бассейна оз. Байкал на водоохранно-защитной основе и других. А.Б. Жуков вообще доверял ему самые ответственные участки работы, наделяя правом лично готовить многие важные документы. Так продолжалось много лет – до конца пребывания А.Б. Жукова на посту директора. Над составлением всех документов по ведению лесного хозяйства работа велась очень основательная, они были во многом новаторскими, хотя преодолеть рутину чиновничества от науки в высших московских инстанциях было тоже нелегким делом. Упорство и стойкость Н.П. Поликарпова в защите новых принципов и подходов оказывались очень кстати, и он доби-

вался успешного их решения, особенно, когда за его спиной была поддержка директора А.Б. Жукова.

Я опишу два эпизода, которые имели значение для моей жизни и связаны с личностью Анатолия Борисовича. Первый связан со становлением моей личной судьбы.

Я по окончании МГУ была направлена на работу в Институт леса АН СССР, в лабораторию лесной типологии к В.Н. Смагину, и это совпало с временем переезда института. Это был 1959 год. А за год до этого мне довелось проходить преддипломную практику на Волковском южнотаежном стационаре Института леса, который был выбран в Ярославской области лесоводом Н. Поликарповым. Там, работая в экспедиции в отряде Льва Павловича Рысина, в сентябре я повстречалась и с Н. Поликарповым и почти одновременно с А.Б. Жуковым. Что бы ни было, а теперь я знаю, что А.Б. Жуков каким-то чутьем предвосхитил развитие личных моих симпатий к Н. Поликарпову. Тогда же я об этом еще не подозревала, хотя первое, что мы, студенты, оценили в Поликарпове Коле, как его все называли – это редкий дар общения и хорошее чувство юмора. Незабываемыми были вечера у костра в лесу, полные шуток, словесных перестрелок и смеха. Меня, как и других, больше всего удивляло отношение его к работе, к лесу, к природе и простым людям, обожавшим его за все, что он умел делать и как умел разговаривать. Я задала как-то вопрос своему руководителю Л.П. Рысину: «Как по-вашему, Поликарпов фанатик или герой?» Действительно, такой увлеченности делом я еще ни у кого не встречала. Лев Павлович буркнул в ответ: «Конечно, фанатик!» А А.Б. Жуков при встрече уже в Москве ответил так на этот вопрос, который меня продолжал долго мучить: «Вот и разберитесь с ним сами!» И рассмеялся...

Итак, я по распределению поехала из столицы в Красноярск, в Сибирь и нашла свою судьбу здесь. Она оказалась с лицом Коли Поликарпова, который был, конечно, для меня герой, но в работе фанатик. А это налагало определенные трудности в повседневной жизни... Особенno они были заметны при сравнении с условиями жизни в Москве. Но мы были молоды и счастливы своей независимостью, возможностью научного творчества, замечательными перспективами далеких путешествий, общением с новыми друзьями, а неустроенность быта не угнетала ничуть. Любопытно, что при переезде и распределении квартир А.Б. Жуков невольно или нарочно подтолкнул события, чтобы свершиться нашему союзу с Колей Поликарповым. Ему выделили сразу трехкомнатную квартиру, а мне не записали никакой... Ну что оставалось делать, как не просить пристанища у человека, лучше всех других умеющего поднимать настроение у своих гостей? Женитьба Коли Поликарпова, как мне рассказывали, была хорошей новостью и событием 1960 года в институте, и с довольно улыбкой нас поздравлял сам Анатолий Борисович, немного похожий в неофициальной обстановке на Леонида Утесова. У него был похожим даже украинский говорок, хотя певец и артист Л. Утесов был одессит, а А.Б. Жуков харьковчанин, и да простят мне это сравнение, не мне одной такое сходство приходило на ум, а значит, оно было, и эта деталь его облика стоит того, чтобы дать о нем более полное представление.

Второй эпизод, характеризующий отношения А.Б. Жукова с Н.П. Поликарповым, тоже интересен и для понимания личности Анатолия Борисовича, и для жизни института на сибирском этапе его молодости.

В 1966 г., как мне доподлинно известно со слов Николая Павловича, Анатолий Борисович предложил

ему взять на себя руководство лабораторией, но тот наотрез отказался. Это было после отъезда А.В. Побединского, бывшего заведующего лабораторией, в Москву. Пришлось А.Б. Жукову самому выполнять функции заведующего, а это было очень непросто. Надо учитывать груз обязанностей заведующего лабораторией лесоводства - ведущей и самой крупной лаборатории в институте лесного профиля, от которого уже сразу потребовали отдачу практике лесного хозяйства... По прошествии года после отъезда А.В. Побединского вызвал Анатолий Борисович Николая Поликарпова в кабинет и потребовал, чтобы тот внял его доводам и принял лабораторию. Не согласился ведь... Тогда Анатолий Борисович пригрозил, что он сам напишет такое заявление от имени Н.П. Поликарпова, дав понять, что он настаивает на своем решении. Лишь спустя несколько дней появилось за подписью Поликарпова заявление на имя академика А.Б. Жукова. Они остались в добрых отношениях - опытный администратор, принимающий жизнь со всеми ее законами и негативными сторонами бюрократии, которые он игнорировал в интересах дела, и максималист, по своим убеждениям, Н.П. Поликарпов, ученый и практик, предпочитающий чиновничьему стулу необъятную лесную ниву и готовый бескорыстно служить отечественной науке.

Став академиком и депутатом Верховного Совета СССР, А.Б. Жуков имел большее влияние на принятие решений на правительственном уровне, но его личное отношение к людям не изменилось. Деловой и организованный, он оставался по-прежнему заинтересованным в сути проблем, не допускал цинизма и беспринципности в науке, снижения уровня работ, утверждаемых на ученых советах. И тут они были солидарны с Николаем Павловичем, хотя последнему не раз доставалось от директора

за то, что он не подает докторскую диссертацию... Что мешало этому, кроме известного пренебрежения Николая Павловича к званиям, степеням и наградам? Инерция поведения? Нездоровье?... Перенеся энцефалит и получив осложнения, все последующие годы он вынужден был делать себе уколы инсулина, и это не могло не сказаться на снижении его активности. Но все же не это главное. Думаю, что вечная полная самоотдача и высокая загруженность при написании текущих бумаг – это основная причина. Николай Павлович ничего не умеет делать плохо, и это – его главный «недостаток». С этим «недостатком» он продолжает жить и после отъезда Анатолия Борисовича в Москву, и после сокращения из штатов лаборатории лесоводства в 1998 году.

Можно не сомневаться, что и в будущем в Сибири будут востребованы знания и опыт, накопленный и обобщенный "лесниками" – здесь уже я говорю обо всей когорте специалистов лесного профиля, первопроходцев, которым выпала трудная и почетная роль. Они стали под руководством А.Б. Жукова основными создателями важных научных разработок, вошедших в практику лесного хозяйства. По ним еще долго будут учиться и работники лесного хозяйства, и специалисты, как бы далеко вперед не ушло развитие научных концепций. Потому что в них – глубокое понимание основных законов жизни леса и истинная забота о лесах Сибири.

Е. Н. Савин

Крупный лесовод и прекрасный организатор

Впервые я увидел Анатолия Борисовича Жукова на дискуссии, состоявшейся в Московском лесотехническом институте в конце сороковых годов. Это был период господства в науке идей Т.Д. Лысенко, отрицания борьбы за существование внутри вида, новой трактовки классификации Крафта, предложенной В.Г. Нестеровым, явившимся в тот период заведующим кафедрой лесоводства МЛТИ.

Вполне естественно, что выступление А.Б. Жукова на нас – студентов, изучавших лесоводство по учебнику В.Г. Нестерова (хороший учебник М.Е. Ткаченко тогда не был в почете, и нам не рекомендовалось его использовать), произвело большое впечатление. Мы узнали, что по многим лесоводственным вопросам существуют иные мнения, отличные от тех, с которыми нас знакомили в институте.

Вторично я встретился с А.Б. Жуковым в Главном управлении полезащитного лесоразведения при Совете Министров СССР в 1952 г. Он был вызван на коллегию как руководитель работ ВНИИЛХа по полезащитному лесоразведению. Сопровождал его мой бывший однокурсник Ю.Ф. Косуров – аспирант Анатолия Борисовича. Он нес увесистый рюкзак, в котором находились собранные учеными ВНИИЛХа экспериментальные материалы по обсуждаемым вопросам. К сожалению, выступления Анатолия Борисовича на коллегии мне не удалось прослушать, но от своих товарищей узнал, что был дан анализ состояния гнездовых посевов дуба в степных рай-

онах европейской части страны, основанный на больших фактических материалах. Несмотря на жесткий нажим со стороны членов коллегии и лично начальника Главного управления Е.М. Чекменева, Анатолий Борисович не усомнился в достоверности полученных институтом материалов.

Дальше жизнь сложилась так, что я стал сотрудником отдела лесоводства Института леса АН СССР, заведующим которого был профессор В.П. Тимофеев. Он приезжал на работу в Институт, после перемещения его из Москвы в с. Успенское Звенигородского р-на Московской области, не чаще двух раз в неделю, так как одновременно читал лекции по лесоводству в Тимирязевской сельхозакадемии. В начале 1956 г. заведующим отделом лесоводства стал А.Б. Жуков. В.П. Тимофеев остался в составе отдела в должности старшего научного сотрудника. До прихода Анатолия Борисовича значительная часть сотрудников отдела работала в средней тайге, в том числе в лесах Вологодской области, на базе Северной лесной станции. Располагалась она в Харовском лесхозе (разъезд Кадниковский). С приходом Анатолия Борисовича, наряду с развертыванием на базе лесов Харовского лесхоза новых направлений исследований, в частности, по повышению продуктивности лесов методами поверхностной мелиорации, по его инициативе был организован поиск объектов для организации более широких комплексных исследований в лесах южнотаежной зоны. В качестве такого объекта была подобрана Нехтинская дача в Рыбинском лесхозе Ярославской области. Стационар стал базироваться в д. Волково, расположенной вблизи Рыбинского водохранилища. Анатолий Борисович стал основным куратором развертывавшихся здесь работ. На первых порах исследований была масса организационных трудностей, связанных с помещением

для лабораторий, размещением сотрудников, организацией работы автотранспорта и т.п. При первом же приезде Анатолия Борисовича на стационар ему была выскажана масса жалоб. Наибольшее их число было связано с работой автотранспорта. В распоряжении стационара были две автомашины – грузовик ГАЗ-63, и легковая – ГАЗ-69. Необходимо было возить сотрудников из поселка в лес, в Нехтинскую лесную дачу и обратно, обеспечивать транспортом маршрутные работы, снабжение сотрудников продовольствием. Машины привозили на стационар прибывающих на станцию Рыбинск, а также доставляли на вокзал уезжающих в Москву. Анатолий Борисович прекрасно понимал, что пока не будут устранены организационные трудности, не будет плодотворных научных исследований. Он сразу же принял два решения:

1. Передать право распоряжаться машинами одному из научных сотрудников, работающих на стационаре.
2. Движение автотранспорта с учетом потребности всех сотрудников стало осуществляться строго по графику.

Выполнить эти решения было поручено мне. Почему я был выбран для выполнения этой работы, не знаю. То ли потому, что я был сотрудником возглавляемого им отдела или потому, что я имел опыт работы с шоферами в армии, будучи на протяжении нескольких месяцев начальником боепитания отдельного батальона.

На составление графика ушло несколько дней. Никого из сотрудников в полной мере он не устраивал. Однако когда он стал жестко соблюдаться, все оказались им довольны, так как в необходимой мере были обеспечены транспортом. Появилось время на профилактический ремонт, на транспортное обслуживание хозяйственных нужд, обеспечение маршрутных исследований и прочее. С этого времени в адрес Анатолия Борисовича по организационным вопросам со стороны курируемого им ста-

ционара не было ни единой жалобы.

В 1958 году было принято решение о переводе Института леса АН СССР в Красноярск и о преобразовании его в Институт леса и древесины СО АН СССР. Директором – организатором института в Красноярске был назначен Анатолий Борисович Жуков. Вполне естественно, что одним из важнейших решаемых в этот период им вопросов был подбор сотрудников. Со всеми сотрудниками прежнего Института леса, по крайней мере, с сотрудниками возглавляемого им отдела лесоводства он вел переговоры лично. Он обещал: 1 - обеспечение квартикой в Красноярске; 2 – бронирование на пятилетний срок занимаемой в Москве или в пригороде Москвы жилплощади; 3 – предоставление возможности ведения исследования по прежним направлениям; 4 – возвращение в Москву, если работа в Красноярске по каким-либо причинам не понравится.

На таких условиях в Красноярск из бывшего Института леса переехало около 50 человек. Все обещания были выполнены Анатолием Борисовичем в полной мере. Многие позже вернулись в Москву, но они помогли в организации и в обеспечении функционирования института на новом месте, начиная с 1959 г. без каких-либо задержек, характерных для организационного периода.

В 1964 году заболел и ушел из института заведующий лабораторией полезащитного лесоразведения доктор с.-х. н. В.В. Попов.

Анатолий Борисович узнав, что моя дипломная работа, а также «служба» в течение двух лет в аппарате Главного управления полезащитного лесоразведения при СМ СССР и последующее участие в исследованиях Комплексной экспедиции АН СССР непосредственно связаны с проблемами полезащитного лесоразведения, после беседы со мной рекомендовал мне подать на конкурс на

должность заведующего этой лабораторией. Так я после десяти лет исследований в таежных лесах вновь стал заниматься полезащитным лесоразведением. Анатолий Борисович близко был знаком со многими вопросами полезащитного лесоразведения и часто непосредственно помогал в организации исследований. В этот период он неоднократно вспоминал годы учебы в аспирантуре. С большой теплотой всегда отзывался о своем учителе – академике Г.Н. Высоцком. Вспоминал своих друзей тех лет, также являвшихся учениками Г.Н. Высоцкого – П.К. Фальковского и С.П. Погребняка. Из этих бесед сложилось убеждение, что А.Б. Жуков многое взял от своего учителя, как в организации исследовательского процесса, так и в налаживании взаимоотношений с людьми.

Во второй половине 1968 года в Красноярск, в Институт леса и древесины прибыл из Москвы П.Б. Виппер, назначенный начальником Советской части Совместной советско-монгольской комплексной биологической экспедиции. Он вел переговоры с Анатолием Борисовичем об организации из числа сотрудников института лесного отряда. После долгих переговоров я дал согласие на организацию лесного отряда и руководство его работами в течение первого года исследований (при одновременном выполнении обязанностей заведующего лабораторией полезащитного лесоразведения). Этому способствовали два момента: 1 – объективная необходимость участия института в этих исследованиях, убедительно показанная А.Б. Жуковым; 2 – уверенность, что работы будут организованы должным образом, базировавшаяся на знакомстве с П.Б. Виппером в период моего участия совместно с ним с Дальневосточной экспедиции СОПС АН СССР.

Обстоятельства сложились так, что выполнение этого поручения Анатолия Борисовича продолжалось не год, а целых 18 лет. До конца жизни Анатолий Борисо-

вич поддерживал наши работы, помогал во всем, в чем появлялась необходимость. Эта поддержка стала традиционной. Не случайно поэтому работы лесного отряда, а затем лесного стационара высоко оценивались руководством экспедиции с монгольской и советской, а затем российской стороны, Академией наук МНР и рядом руководителей Монголии. По результатам работ в Монголии защищены 4 докторских и 8 кандидатских диссертаций. Опубликовано 6 книг и несколько десятков статей на русском и монгольском языках, раскрывающих особенности лесов Монголии. Период работы под руководством Анатолия Борисовича Жукова – крупного лесовода и прекрасного организатора, был одним из самых плодотворных в моей жизни.

В.Н. Седых

А.Б. Жуков – харьковчанин

Жуковых в России много. Но из них только два Жукова – маршала: один из них военных маршал, а другой Жуков – лесной маршал. Первого – Г.К. Жукова знают все, а второго – академика Анатолия Борисовича Жукова знают все люди лесного дела России. Я слышал о втором Жукове еще в студенческие годы, но детали в памяти не сохранились, новые впечатления возникли, когда я встретился с ним.

Я учился на том же лесном факультете Харьковского сельскохозяйственного института, который в 1923 году закончил Анатолий Борисович. Моя учеба совпала с самым активным периодом гонений на генетику, на все новое, что не совпадало с официальной позицией. Я учился у таких знаменитых профессоров, как С.С. Пятницкий (лесной генетик), Д.В. Воробьев (лесной типолог), Б.И. Гаврилова (лесной таксатор), В.Г. Аверин (лесной зоолог), давно уже ставшие классиками Российской лесной науки. Они, конечно, хорошо знали А.Б. Жукова, и волей или неволей доходили до нас от них отдельные высказывания о нем. В ту пору выходил журнал «Лес и степь», где лысенковцы пропагандировали на весь мир научные достижения Т.Д. Лысенко, и нередко в этом журнале печатались статьи о В.Н. Сукачеве, как о реакционном буржуазном ученом. Мы не зачитывались этим журналом, так как нам было достаточно того, что нам давала наша профессура, и от них мы получали оценку этих статей. Они дипломатично знакомили нас с тем, кто такой В.Н. Сукачев, как следует его понимать вопреки

стараниям лысенковцев, и тогда я впервые услышал и о роли А.Б. Жукова в защите биогеоценологии. Они с не-вольной гордостью упоминали об А.Б. Жукове, о своем земляке и коллеге, с которым они встречались и сотрудничали, когда он был заместителем директора УкрНИИЛХА, расположенного на другой стороне улицы, перед окнами нашего факультета. Тогда нам стало известно, что А.Б. Жуков был самым первым и самым молодым заместителем директора УкрНИИЛХА. Наши профессора гордились, что они все вышли, как и А.Б. Жуков, из лесной школы Г.Ф. Морозова и Г.Н. Высоцкого, и делали все, чтобы по-настоящему приобщить нас к лесной науке, которая была сильно развита на юге России.

Все это часто проходило мимо ушей. Да какая там наука! Я учился в Харькове, в лучшем городе на свете, подобного которому нигде нет. Улица Сумская со своей стометровкой от ресторана «Люкс» до памятника Шевченко, пивные в подвалах только в Харькове, зеркальная струя в Харькове, площадь им. Дзержинского – самая большая в Европе, Госпром – первый небоскреб в СССР – в Харькове, лучший зоопарк в Европе – в Харькове, Ивановский базар, Холодная гора, бандитская Журавлевка опять в Харькове, речки Лопань и Харьков, самые грязные речки, тоже в Харькове. И чего только в Харькове было! В ту пору было только 25 высших учебных заведений, а сколько музеев, дворцов культуры, ресторанов, театров – всего не перечесть, опять же все это в Харькове. А разговор на «что» вместо московского «что» или сибирского «чего» - опять только в Харькове. И по-пробуй вдруг нечаянно где-то высказать реплику харьковчанину, что Харьков – это обычный город, тебя изгоят из кампании и пускать в нее больше никогда не будут. Вот в этом городе я учился, вернее, числился в институте и в свое студенческое время взахлеб отдавался

харьковской жизни.

Прошли годы. Вся моя жизнь проходила в различных экспедициях от Кара-Кумов до Ямала, от Урала до Приморья, пока я не зацепился за лесную науку в Биологическом институте СО АН СССР. Эта наука в составе трех лабораторий – лесоведения, лесного семеноводства и энтомофагов в 1975 году была переведена в Институт леса и древесины СО АН СССР, директором которого был академик Анатолий Борисович Жуков. Он забрал все эти лаборатории, видимо, для того, чтобы мы «не растекаясь по древу знаний», занимались только лесом. На их базе этих лабораторий был создан Новосибирский отдел леса, а сегодня Западносибирский филиал института.

И вот как-то раз, приехал я в Институт, в ту пору в должности младшего научного сотрудника. Мне надо было что-то подписать в дирекции. Замов на месте не было, и мне пришлось идти к самому А.Б. Жукову. Честно сказать, я был взволнован. Я шел к Харьковчанину, академику, о котором понаслышке знал давно. Я зашел, поздоровался, встал скромно у стола, ожидая, когда он прочтет мою «бумагу» и подпишет. Он долго читал ее, повертел, потом, отложив в сторону, сказал – «Что стоите, садитесь», - и поглядел на меня внимательно. «Я тут знакомился с личными делами сотрудников Новосибирского отдела и увидел среди них материалы о В.Н. Седыхе. Так это Вы?» - обратился он ко мне. – «Да, это я!» - встревоженно ответил я, покосившись на выход. В трудовой книжке у меня уже был вкладыш. Не хватало места для записей, и какой-то отдел кадров завел дополнение. Ну, думаю, попал. Сейчас и академик скажет, что я летун.

Летунами в ту пору называли тех, кто часто менял работу. К ним тогда относились подозрительно и даже сторонились. Ну, думаю, и академик начнет, как все пар-

тийные, профсоюзные, комсомольские деятели и как жена, читать мне нравоучения.

«Так, - начал он издалека, - так Вы «шо», действительно учились в Харькове, на лесном факультете, который располагался на улице Пушкинской, напротив обежжития «Гигант» и напротив УкрНИИЛХА, в городе, лучше которого нет на свете?» - «Конечно, оттуда я, с лесного факультета, где же я мог еще учиться, конечно, только в Харькове», - ответил я, удобно располагаясь на стуле. Академик заулыбался, перешел в кресло за столом для заседаний и заговорически шепнул - «Давайте посидим и поговорим о Харькове, а «шо» нам, «шо», у нас времени нет?».

И тут я понял - передо мной подлинный, коренной харьковчанин. Это тебе не коренной какой-то москвич, и в нашем разговоре уже теперь не будет места ни Минску, ни Москве, ни Красноярску. - «Так Вы что, учились у С.С. Пятницкого, Д.В. Воробьева, у В.Г. Аверина? Я с ними работал - это же профессионалы, мастиговые профессионалы, каких не сыщешь теперь!» - восхликал он. - «А Аверин, охотник до мозга костей, а какой стрелок, какой стендовик, высокий, статный, как голливудская звезда, а все-таки стрелял хуже меня. Ну, зато он был первый там, на танцах, среди девчат».

«Ну, а в Тростянецком лесничестве были?» - продолжал он, сменив светскую тему. «Нет, не приходилось», - ответил я «А жаль! Сколько я там заложил проблемных площадей. Ведь там же я начинал!» - вспоминал академик. Уловив паузу в разговоре, я вставил, что обычно практику мы проходили в Новой Гуте, на лесных территориях, принадлежавших когда-то знаменитому сахарозаводчику, виноделу и леснику Кенигу. Он остановился, восторженно поглядел на меня и сказал: «Да я же там много бывал и работал, изучал местные леса и опыт

лесокультурного дела, начатого этим сахарозаводчиком». Он спросил меня, был ли я в дендропарке Кенига. «Конечно, был, а как же!». - «Ах, какой человек был этот винодел, сахарозаводчик, какой лесовод, какой выдумщик в лесных делах!» - восторженно вспоминал он Кенига. - «В его дендропарке площадью около 200 га было несколько сот видов деревьев и кустарников со всего мира, парк охранялся чеченцами, и там был строжайший порядок. Мы там когда-то проводили занятия по дендрологии. А какой там уход был за дендропарком!» - также восхищенно продолжал он. - «А интересно, что сейчас там?» - обратился он ко мне. - «Анатолий Борисович, я не знаю, сейчас что там. Но когда я был там также на практике, я видел, что в роскошном здании Кенига расположена туберкулезная лечебница, зеркальные струи не работают, по парку ходят всякая крупная и мелкая скотина, что все в запустении и пр.» - Анатолий Борисович задумался, долго с горечью смотрел в окно, а потом продолжил: «Этот Кениг, сахарозаводчик, винодел и лесовод, ввел интересный лесооборот, типа сельхозоборота. Он вырубал и выкорчевывал спелые дубравы, и на месте их выращивал в течение 5-6 лет свеклу. А потом, теперь уже на месте свеклы, создавал лесные культуры. Ах, какие лесные культуры, - восхищенно вспоминал он. - Надеюсь, конечно, вы видели?» - обратился он ко мне. «А как же, конечно! Я был там. Мы проходили практику на этих лесных культурах, кстати, живя при Кенигском сахарозаводе». - «Саженцы строго сажались в ряду по натянутому шнуре, через строго определенное расстояние с обязательным соблюдением всей предписанной технологии» - продолжал академик.

Действительно, таких культур я больше нигде не видел, и в ту пору эти культуры нас просто восхищали и вводили в недоумение. Все было посажено точно в соот-

ветствии с учебниками по лесокультурному делу, строго соблюдая размещение различных лесных пород, предназначенных для выполнения каждой своей функции при формировании будущих высокопродуктивных искусственных лесных сообществ.

Освоившись в беседе, я начал теперь уже задавать вопросы. – «Анатолий Борисович, ведь создание таких культур требовало больших затрат. Кениг же буржуй, неужели он мог позволять себе такую дорогую технологию?» - высказал я свою реплику. Академик посмотрел на меня, улыбаясь: «А какую выгоду имел от свеклы этот сахарозаводчик, вы посчитали; нет? Так вот, создание этих культур занимало очень небольшую часть той выгоды, которую он получал от сахара. Он, как воспитанный и образованный человек, патриот своей страны, считал, что он должен вернуть природе такой же продуктивный и красивый лес, какой был до рубки. Более того, он хотел создать еще более продуктивный лес на этом месте, вкладывая в это все накопленные знания в этой области в то время». Мы еще долго беседовали о харьковской жизни прошлых времен, каждый по-своему предаваясь воспоминаниям, не чувствуя разницы в годах.

Вдруг Анатолий Борисович остановился, глянул на меня чуть-чуть виноватым взглядом и совершенно искренне извинился, что пора расходиться. Он глянул с тоской на ворох бумаг на своем рабочем столе, поднялся, пожал мне руку и, остановившись у стола, обратился ко мне: «Всегда, когда Вы будете в Институте, заходите. Обязательно заходите, не проходите мимо кабинета, мы будем беседовать о Харькове, о лучшем городе на свете, о лучшей лесной школе, которая была когда-то на юге России».

И. В. Семечкин

Мудрый воспитатель

M

ое знакомство с Анатолием Борисовичем Жуковым состоялось в конце 1954 года во ВНИИЛХе, куда я приехал с желанием найти работу. Я окончил аспирантуру по кафедре лесной таксации Ленинградской лесотехнической академии и подготовил к защите диссертацию. Распределения аспирантов на работу в том году не было: «Сталинский план преобразования природы» был свернут, потребность в ученых-лесоводах резко сократилась. Директор ВНИИЛХа был в отъезде и меня направили к его заместителю по научной работе – А. Б. Жукову.

Анатолий Борисович произвел на меня приятное впечатление своей красивой внешностью, вниманием ко мне, доброй улыбкой и проницательным взглядом. Он подробно расспросил меня об учебе в ЛТА и моих желаниях. Назвал две имеющиеся вакансии в системе ВНИИЛХа: в Донской ЛОС, в станице Вешенской, и в Лебяжинской ЛОС, в ленточных борах Алтайского края. «В Донской ЛОС сотрудники больше занимаются арбузами, чем лесом, а в Лебяжинской ЛОС – в основном лесовосстановлением» – так он сказал о перспективах предлагаемой работы. В Лебяжинской ЛОС я уже бывал: работал в 1950 г. таксатором Московской лесоустроительной экспедиции, устраивавшей Ракитовский и Лебяжинский лесхозы Алтайского края, знал труды Лебяжинской ЛОС, выступал с докладом на студенческой научной конференции о природе ленточных боров и хозяйстве в них, защищал дипломный проект по противопожарному уст-

ройству ленточных боров. В ЛОС были интересные учёные: Грибанов, Егоров и другие. Однако смущало наличие в поселке санатория для лечения больных с открытой формой туберкулеза. И я отказался. Анатолий Борисович участливо и добро улыбнулся и, пожелав мне успеха в поисках работы, посоветовал обратиться в систему заповедников СССР, к А. В. Малиновскому.

Вскоре я устроился в Государственный заповедник «Денежкин Камень» (северный Урал, Свердловская область) заместителем директора по научной работе и проработал там с начала 1955 до середины 1960 года.

В начале 1960 г. Горский П. В. – доцент кафедры лесной таксации ЛТА – сообщил мне, что Институт леса из Москвы переведен в Красноярск. Его возглавил доктор с.-х. наук А. Б. Жуков, что в нем есть лаборатория таксации и лесоустройства, которой руководит проф. доктор с.-х. наук Г. П. Мотовилов, выпускник ЛТА, и там требуются таксаторы, желательно ленинградской школы. Я написал письма А. Б. Жукову и Г. П. Мотовилову и получил от них приглашение перейти в Институт леса и древесины (ИЛИД) младшим научным сотрудником лаборатории таксации и лесоустройства. С марта 1955 г. я уже был кандидатом наук. Последовала долгая и изнурительная переписка с управлением заповедников Главохоты РСФСР. Мне предлагали разные места в заповедниках страны, но я настаивал на своём. А. Б. Жуков меня поддерживал и ходатайствовал о моём переводе из системы заповедников в институт.

Лишь в середине 1960 г. я получил от А. Б. Жукова официальное письмо-приглашение и копию письма-согласия на перевод из Главохоты РСФСР в ИЛИД. Интересно содержание письма А. Б. Жукова.

21 июня 1960 г.

Кандидату с.-х. наук, тов. Семечкину И. В.

В связи с разрешением Главного Управления охотничьего хозяйства и заповедников при СМ РСФСР Вашего перехода в Институт леса и древесины СО АН СССР Вы зачисляетесь на должность младшего научного сотрудника института со дня начала работы.

Прошу Вас ускорить переезд с тем, чтобы в наибольшей степени использовать полевой период этого года для производства исследований в лесу. Жилищная площадь из 3-х комнат будет предоставлена.

Директор Института леса и древесины СО АН СССР, профессор, доктор с.-х. наук А. Б. Жуков.

14 июля 1960 г. рано утром я приехал поездом в Красноярск. Пришёл в институт к началу работы, обратился к секретарю директора Н. Н. Шведовой, представился. «Вам есть пакет» – и она передала мне что-то объемистое. Там были записка Г. П. Мотовилова о том, что мне надо сразу же срочно подготовить программу по таксационному исследованию кедровников, оставить её для него, а самому ехать в Ермаковский стационар, расположенному на юге края в Западном Саяне, закладывать и таксировать постоянные пробные площади в кедровниках. И в пакете были...ключи от трёхкомнатной квартиры в доме № 36 на Свободном проспекте, на 3-ем этаже. Так началась моя работа в Институте, ставшим для меня родным домом «на всю оставшуюся жизнь». А. Б. Жуков все свои обещания сдержал. И эта его обязательность как директора института, организатора коллектива и научных исследований была и оставалась одной из важнейших черт его незаурядной личности.

Мне нравилось работать в институте, потому что была полная свобода действий, выбора методики, личной инициативы. Вероятно, мои научные убеждения, стремления и работоспособность устраивали руководство ла-

боратории и института, поэтому работалось легко, с подъемом. Однажды во время большого коллективного застолья (в первые годы института праздники отмечались сообща, не в лабораториях, а в здании института), нашей лаборатории выпало место рядом с дирекцией во главе с А. Б. Жуковым. Разговор зашел о руководстве научными исследованиями. Анатолий Борисович всегда «держал стол» в своих руках, умело руководил разговором, тактично и незаметно направлял его в нужное русло. И вдруг он спрашивает меня: «Иван Васильевич! Каким по вашему должен быть хороший научный руководитель?» – «Самый хороший научный руководитель – это тот, кто не мешает работать». Анатолий Борисович, вся дирекция, Г. П. Мотовилов, долго и искренне смеялись. Смеялись по–доброму, понимая суть дела. И действительно, в институте тогда сложилась творческая обстановка, которая содействовала интенсивной, интересной и коллективной научной работе по исследованию природы сибирских лесов и разработке методов и приемов их рационального использования и воспроизводства. Если А. Б. Жуков видел, что темы и методики исследований определены в нужном направлении – всегда обеспечивалось содействие в работе: инициативы сотрудников поддерживались, никак не подавлялись. Никакого административного диктата не было. Была поддержка. И это окрыляло сотрудников, всем хотелось сделать больше, быстрее и лучше. А. Б. Жуков не давал расслабляться, но делал это с большим тактом и умением.

Запомнились его систематические «походы» в лаборатории в начале шестидесятых годов, с уведомлением заранее, примерно за неделю, что он будет участвовать в разговоре о научных исследованиях лаборатории, тематике, выяснить, как идет научный процесс, что сделано в полевой период, что получилось интересного в результа-

те обработки собранного материала. Нет, это не были официальные отчеты. Это были небольшие текущие информации каждого сотрудника, вплоть до лаборанта, о проводимой работе, успехах и недостатках, затруднениях и сомнениях. Научным сотрудникам эти отчеты-беседы не были в тягость, наоборот, были помощью, но каждый из нас переживал за своих помощников-лаборантов, среди которых было много студентов заочников СиБТИ, еще мало подготовленных к научной работе, но которые обязаны были знать методические особенности проводимых полевых и камеральных исследований, понимать суть и своей работы, и разрабатываемой темы в целом. Главное, что не было никаких разносов и упреков. Был отеческий разговор старшего, умудренного опытом ученого с молодыми сотрудниками, которых он внимательно выслушивал, одобрял их или советовал, как лучше организовать исследования, как научится эффективной работе, что нужно почитать, изучить. Такие беседы давали очень многое всем их участникам, особенно молодым начинающим исследователям. В то же время каждому из нас не хотелось «ударить лицом в грязь».

Нельзя не вспомнить также, что в выборе постоянных пробных площадей в 1960 г. в горных кедровниках Ермаковского стационара ИЛиД в Западном Саяне (научным руководителем при решении кедровой проблемы тогда был Г. П. Мотовилов, а начальником стационара – В. Ф. Лебков), которые систематически обмеряются по настоящее время, непосредственно участвовал и А. Б. Жуков. Он благословил выбор участков кедрового леса под долговременные фундаментальные исследования динамики кедровых лесов под влиянием природных факторов. На крутяке у Собачей речки при подходе к пробной площади он сорвался, но был во время подхвачен и поддержан. На этих пробных площадях были со-

средоточены комплексные исследования таксаторов, лесотипологов-геоботаников, почвоведов, лесоводов, гидрологов-климатологов, селекционеров, лесопирологов, физиологов, энтомологов, фитопатологов, древесиноведов, зоологов-охотоведов. Были получены весомые научные результаты, защищены диссертации.

А. Б. Жуков любил посещать участки леса, пробные площади, впитывая информацию об их таксационных характеристиках, особенностях, проводимых исследованиях. Когда В. В. Кузьмичев, ныне доктор биологических наук, профессор, а тогда аспирант, в недалеком прошлом лесоустроитель, составил таксационное описание насаждений Погорельского стационара института, Анатолий Борисович, совместно с В. В. Кузьмичевым, автором этих воспоминаний и Грибовым А. М. – начальником стационара (тоже ныне доктором биол. наук, профессором), в течение целого дня экскурсировал по бору, посмотрел все пробные площади и результаты таксации насаждений. Остался доволен. Был жаркий день, не было комаров и слепней, и вся группа ходила по лесу без рубашек. С сотрудниками Анатолий Борисович был прост, доступен, дружелюбен, без каких-либо оттенков превосходства. А если хотел высказать замечание, то делал это не обидно, по-доброму, с улыбкой, иногда с подначкой.

На учёных советах Анатолий Борисович был пре-
восходным председателем, умелым режиссером проис-
ходящего действия. На этих советах активно и смело вы-
ступала группа молодых кандидатов наук, иногда с кри-
тикой дирекции, постановки и решения отдельных науч-
ных вопросов, организации экспедиций, отдельных по-
ложений защищаемых диссертаций. Это были
В. Ф. Лебков (позже – директор ВНИИПОМлесхоза, зам.-
директора по науке Института лесоведения РАН, доктор
биологических наук), А. И. Ирошников (позже – дирек-

тор ЦНИИЛГиС в Воронеже), Н. П. Поликарпов (ныне заслуженный лесовод России), И. В. Семечкин, Е. Н. Савин (ныне доктора с.-х. наук), А. С. Исаев (будущий директор Института, академик РАН). Е. С. Петренко (будущий зам. директора по науке при А. Б. Жукове и А. С. Исаеве). В те годы в Греции власть стремилась захватить военная хунта – «чёрных полковников». А. Б. Жуков окрестил эту группу «активистов в Институте» также вполне доброжелательно «чёрными полковниками». Это прозвище закрепилось. И нередко, при защите диссертаций или обсуждении различных вопросов института, он спрашивал: «А что думают по этому вопросу «чёрные полковники»? – вызывая на разговор и обостряя его. А. Б. Жукову можно было «резать правду-матку в глаза», не боясь возмездия. Никогда я не слышал, чтобы Анатолий Борисович грубо оборвал говорящего, не дал ему высказать своё мнение, давил на выступавшего своим авторитетом директора, а позже академика. Его тактичность и человечность подтверждали присущую ему настоящую интеллигентность.

А. Б. Жуков не мелочился в решении житейских и организационных вопросов коллектива. Как председателю профкома и секретарю партбюро института в разные годы, мне приходилось обращаться к Анатолию Борисовичу с всякими неприятностями, связанными с супружескими неурядицами, отклонениями в поведении сотрудников института от общепринятых норм, Анатолий Борисович говорил: – «Не торопитесь с выводами, подождите. Это житейское дело. Давайте лучше поговорим с человеком по-хорошему». И действительно, время большинство конфликтов разрешало положительно с минимальным применением воспитательных мер. Анатолий Борисович был мудрый человек.

Однажды всеми уважаемый и честнейший

Н. П. Курбатский, доктор с.-х. наук, профессор, зав. лабораторией лесной пирологии «одолжил» у меня – зав. лабораторией лесоустройства и лесной таксации на время единицу старшего научного сотрудника (у него вскоре должна была освободиться аналогичная вакансия). Прошло 3–4 месяца, вакансия у пирологов не появилась, а у меня возникла необходимость использовать её в своей лаборатории. Н. П. Курбатский извинялся, говорил, что так сложилось, не получилось, как думал. Тогда я пошел к А. Б. Жукову с жалобой на Н. П. Курбатского. Анатолий Борисович выслушал меня внимательно, заулыбался по-доброму и сказал: «Иван Васильевич! Что с воза упало, то пропало». Я ушёл от него «несолено хлебавши», но без обиды, с которой пришел. Правда, через некоторое время, он дал мне эту единицу, освободившуюся в какой-то другой лаборатории, где тоже «что-то упало с воза». Так передвигая вакансии, он удовлетворял необходимые запросы лабораторий, заботился о кадрах и выполнении научных исследований института.

А. Б. Жуков в молодости был охотником и хорошим стрелком, даже чемпионом г. Харькова по стендовой стрельбе. В Красноярске он держал охотничью собаку-спаниеля. В первые годы участвовал в коллективных охотах на косулю загоном. Однажды, будучи крайним загонщиком (он всегда придерживался равенства на охоте, в коллективном деле), плутал и вернулся в нужное место только через полчаса. Посещал он и охотничьи стрельбище-стенд. В огромной охотничьей стенной газете, которая выпускалась тогда охотколлективом института, были помещены шаржи на охотничьи мечты и приключения Анатолия Борисовича. Он на них не обижался, смеялся вместе со всеми. Когда институт выезжал на общественную копку картофеля – А. Б. Жуков и здесь не покидал коллектив, старался наравне участвовать в об-

щем труде, но возраст давал о себе знать. Иногда он отставал от молодых в ручной копке картофеля вилами. Но разве в этом дело? Ему всегда помогали сотрудники выполнить его «норму», как и он помогал сотрудникам выполнить их «научную норму». Зато был «сладок отдых на снопах тяжелых», пекли картошку, дружно сообща обедали, все делали коллективно: от участия в постройке и благоустройстве нового здания института, озеленения Академгородка, создания дендрария, оборудования стационаров и кончая комплексными исследованиями проблем кедра, Байкала, общих проблем лесоведения и лесоводства.

Я благодарен судьбе, что она свела меня с А. Б. Жуковым – ученым, организатором лесной науки, мудрым наставником, настоящим интеллигентом, хорошим человеком.

Н.Е. Судачкова

Человек и ученый

Мои воспоминания об Анатолии Борисовиче Жукове делятся на две части: первая - эмоциональные детские впечатления и вторая - оценка его как ученого и руководителя научного учреждения.

Первая запомнившаяся мне встреча с Анатолием Борисовичем произошла майским утром 1947 г, в городе Пушкино Московской области, куда мы за год до этого вернулись из Казахстана. Одичавшая от убогой жизни в эвакуации я впитывала новые впечатления как губка. Сдав накануне на отлично экзамены за 4-й класс средней школы, я в прекрасном расположении духа выбежала во двор нашего дома на территории бывшего ВНИИЛХа, где работал мой отец - Евгений Яковлевич Судачков. Было довольно рано, на мне было новое платье, которым мне не терпелось похвастаться перед подружками, но они еще не вышли гулять, что меня несколько огорчило. И тут мое внимание привлек крепкий стройный человек среднего роста, как мне казалось, безмятежно прогуливающийся в тени вековых лип. Временами он останавливался, наводил на какое-нибудь дерево фотоаппарат. Любопытство заставило меня следовать за ним. Через некоторое время человек обернулся, улыбнулся, подозвал меня, спросил, как зовут и чья я, потом велел встать поближе к дереву и не шевелиться. Он поднес к глазам фотоаппарат и стал что-то крутить. Пока он нацеливался, я успела внимательно разглядеть его: так он и запомнился мне - энергичным, подтянутым, с прекрасной темной

вьющейся шевелюрой, в светлой рубашке с короткими рукавами, подчеркивающей крепкий загар, весь в солнечных бликах, пробивающихся через листву лип. Все это создавало образ доброго волшебника. Он так органично вписывался в ту радостную и безмятежную атмосферу ожидания счастья, которая бывает только в детстве! Через несколько дней отец принес мне фотоснимок и сказал, что меня фотографировал Анатолий Борисович Жуков - заместитель директора ВНИИЛХа. Эту фотографию я храню до сих пор. После этого случая я всегда присматривалась издали к Анатолию Борисовичу и не оставляла без внимания упоминание его имени. Не раз ненароком слышала комментарии местных дам, которые считали его красавцем-мужчиной. Он всегда был аккуратно и даже щеголевато одет, тщательно причесан. А однажды он проходил в сопровождении очень эффектной брюнетки с гладко причесанными волосами в темно-зеленом платье, плотно облегающем красивую фигуру. Все любовались этой парой, а дамы, не скрывая зависти, говорили, что это его жена.

В 1948 году отец привел меня на заседание во ВНИИЛХ, где председательствовал А.Б. Жуков, по-видимому, это был Ученый совет, на котором профессор Л.Ф. Правдин рассказывал о результатах поездки в Бразилию, демонстрировал прекрасный цветной альбом с фотографиями тропических растений. На таком собрании я присутствовала впервые и меня поразила манера Анатолия Борисовича вести заседание. Я окончательно утвердилась во мнении, что он человек необыкновенный и это впечатление сохранилось во мне навсегда. Я не могла отделаться от этого ощущения даже во взрослом состоянии и, честно говоря, всегда побаивалась Анатолия Борисовича.

Позже я с удивлением обнаружила, что Анатолий

Борисович реагирует на комплименты как простые смертные. Однажды я была свидетелем того, как Любовь Владимировна сказала что-то лестное в его адрес. Меня поразило, как радостно он засветился в ответ на похвалу. А когда Анатолий Борисович по дороге в институт поделился со мной рецептом приготовления салата из кислой капусты, это окончательно меня сразило.

С 1961 года я стала работать в Красноярске в Институте леса и древесины АН СССР, руководимом Анатолием Борисовичем. Я была зачислена на должность старшего лаборанта в лабораторию физиологии и экологии древесных растений, хотя перед этим, после окончания института, я уже работала младшим научным сотрудником в отделе леса Коми филиала АН СССР в г. Сыктывкаре. Мой отец вскоре после приезда в Красноярск попал в автомобильную аварию, и мы с матерью больше месяца дежурили у его постели в больнице. По распоряжению Анатолия Борисовича, мне платили зарплату за это время. Он постоянно справлялся о здоровье отца и очень нам сочувствовал.

Институт по составу тогда был молодым: мы бегали на все заседания ученого Совета, председателем которого был Анатолий Борисович, ловили каждое слово и обсуждали каждое выступление «стариков». А «старики» были замечательными профессионалами, с непростыми характерами и судьбами, многие из них прошли войну, доктора наук, профессора: лесоустроитель (бывший министр лесного хозяйства СССР) Герман Петрович Мотовилов, болотовед, впоследствии член-корреспондент АН СССР Николай Иванович Пьявченко, древесиновед Валерий Афанасьевич Баженов, селекционер Леонид Федорович Правдин, экономист Евгений Яковлевич Судачков, лесоводы Аврамий Владимирович Побединский и Лев Константинович Поздняков, лесопиролог Николай Пет-

рович Курбатский, лесотиполог Валентин Николаевич Смагин и др. Взгляды их на перспективы развития лесоведения и лесного хозяйства часто не совпадали, и нужно было иметь дипломатический талант, чтобы направлять дискуссии в нужное русло. Анатолий Борисович прекрасноправлялся с этой задачей, оставался объективным и внимательно прислушивался к аргументам сторон и, как правило, выносил решение, устраивающее всех.

Осенью того же года я поступила в аспирантуру к Н.А. Хлебниковой, а через два года, после ее безвременной кончины, Анатолий Борисович «обменял» меня на А.С. Щербатюка (лесовода по образованию) из Института биологии АН СССР в Иркутске, согласившись стать его руководителем в аспирантуре при условии, что моим руководителем будет директор института Ф.Э. Реймерс - известный физиолог растений. Федор Эдуардович и Анатолий Борисович были хорошими друзьями и Федор Эдуардович, эмоциональный по натуре человек, очень ценил эту дружбу и всегда восторженно отзывался об А.Б.Жукове. Мои частые поездки в Иркутск и работа в лабораториях института, особенно под руководством Э.Е. Хавкина, окончательно сформировали мое желание серьезно заняться биохимией древесных растений, чтобы уметь не только фиксировать явление, но объяснить, почему оно происходит. Анатолий Борисович способствовал становлению моих научных интересов. Вскоре после защиты мною кандидатской диссертации на Ученом совете, по инициативе Ю.И. Холькина - энергичного молодого заведующего лабораторией химии древесины, активно поддержанной А.Б. Жуковым, встал вопрос об организации трех новых лабораторий в институте и в том числе лаборатории биохимии древесных растений. Для формирования лаборатории предлагалось пригласить сотрудников из Москвы и Новосибирска. Я выступила с

предложением использовать для этой цели часть научного потенциала лаборатории физиологии и экологии древесных растений. Анатолий Борисович предложил мне сформулировать задачи и программу работы лаборатории, затем было написано обоснование необходимости ее организации, штатное расписание и другая документация. Анатолий Борисович в Новосибирске добился организации лаборатории. Осенью 1965 года мне сказали, что я буду заведующей новой лабораторией. Мне было 29 лет - я была самым молодым завлабом в истории института. Теперь я понимаю, как рисковал Анатолий Борисович, доверив организацию первой в Союзе лаборатории биохимии древесных растений такой молодой женщине.

Становление лаборатории и выработка ее тематики проходили постепенно, по мере того как молодой коллектив приобретал необходимые знания и опыт. Если на первом этапе в задачу лаборатории входило изучение разных сторон обмена веществ сибирских видов хвойных (своего рода инвентаризация), то в дальнейшем выкристаллизовались два основных направления: изучение биохимического механизма процесса ксилогенеза и стрессовых реакций древесных растений. Определению этих направлений, в частности, способствовала доброжелательная критика А.Б. Жукова.

Надо отдать должное Анатолию Борисовичу - он умел оценить перспективность новых направлений, держал руку на пульсе биологической науки. Он был настоящим лесоводом в старом понимании этого слова, т.е. глубоко понимал природу леса и мог безошибочно определить место конкретного исследования в общей системе лесоводственных проблем.

Мне неоднократно приходилось выслушивать его мнение относительно практического применения результатов научных исследований. Его не удовлетворяло наше

беспечное отношение к результатам своего труда. Он понимал, что наука не может быть только потребителем. Инвестиции в науку, с его точки зрения, должны оккупаться. Он часто пенял нам молодым, что мы не умеем ценить предоставленные нам возможности. Он был сторонником разработки экспресс-методов анализа. Его мечтой была разработка простых и удобных в применении биохимических методов индикации состояния древесных растений, доступных для использования в практике лесного хозяйства.

Анатолий Борисович никогда не позволял себе фамильярности по отношению к сотрудникам и это всегда заставляло соблюдать дистанцию, вероятно, поэтому он казался многим суховатым человеком, не особенно вникающим в судьбы окружающих его людей. В действительности это было не так: мне достоверно известно, что он был инициатором оказания помощи одному из сотрудников ВНИИЛХа, уволенному в годы лысенковщины. Несколько сотрудников (в том числе мой отец) в складчину помогали уволенному. Делать это приходилось тайно, под угрозой увольнения. Как-то возле нашего дома в Академгородке прорвало трубу, погода была отвратительной и слесари-сантехники мокрые и голодные к концу дня все-таки устранили повреждение. Потом они говорили: «Вот ваш директор понимает рабочего человека - дал нам 100 руб.» Тогда это была месячная зарплата младшего научного сотрудника. Когда в нашей лаборатории произошел несчастный случай - в автомобильной аварии сильно обгорела наша сотрудница, Анатолий Борисович помог достать дефицитные тогда лекарства и кровезаменители. Еще один личный пример. Я была молодой заведующей лабораторией, что вызывало, по-видимому, недоверие ко мне некоторых сотрудников института, и на первом же переизбрании на новый срок ра-

боты члены Ученого совета института, выслушав мой отчет и ответы на вопросы, не высказав ни одного замечания (были только одобрительные выступления), превалили мою кандидатуру. Естественно, я была обескуражена, подавлена. Я не знаю, как развивались события дальше, но Анатолий Борисович, не сообщая мне никаких подробностей, лишь сказал, что была нарушена процедура голосования и результаты проведенного вновь голосования оказались положительными.

А.Б. Жуков следил за научными успехами сотрудников и постоянно побуждал к карьерному росту, напоминая постоянно, что пора бы защитить очередную диссертацию. Он не считал за труд поехать и посмотреть, как живут и справляются с выполнением научной программы сотрудники в полевых условиях. Тогда не было в институте рейтинговой системы, но Анатолий Борисович знал цену каждому из нас и редко ошибался. Он умел, не обидев человека, показать ему, что недоволен его работой и ждет от него большей отдачи. Нередко он побуждал человека дать ему какое-либо обещание, которое уже нельзя было не выполнить, очень уж весом был его авторитет. Так, попавшись на эту удочку, я написала монографию, ставшую основой докторской диссертации, и в засушливое лето поливала молодые деревца, высаженные вокруг нашего дома.

Анатолий Борисович был незаурядной личностью, сочетающей в себе таланты ученого и организатора. Память о нем у нашего поколения неразрывно связана с нашей молодостью, кипучей энергией, радостью первых научных открытий.

Итоги и перспективы

(Выступление А.Б. Жукова на последнем Ученом совете перед отъездом в Москву)

Н а чем мне хотелось остановиться на этом последнем заседании Ученого совета? Хочу коротко напомнить о той направленности научного поиска, которая была сформирована после перевода института в Красноярск.

На первом этапе нашей основной задачей являлась разработка технических условий и научных основ, которые позволили бы более рационально использовать лесные богатства Сибири, удовлетворять все возрастающие потребности народного хозяйства в древесине и предложить лесоводственные мероприятия, которые способствовали бы возобновлению, восстановлению вырубаемых лесов.

Для этой цели, как вы помните, нами в первый же, 1959 год, были организованы маршрутные экспедиции, которые выполняли роль передовых разведчиков. Материалов, характеризующих прежнюю историю лесного хозяйства Сибири, почти не было, если не считать нескольких работ профессорско-преподавательского состава Сибирского лесотехнического института. Нам пришлось, по сути говоря, заново приспосабливаться к условиям Сибири, которые по ряду характеристик очень резко отличались от наших представлений о возобновительном процессе, о состоянии и восстановлении лесов.

Я думаю, что этот первый этап, который длился приблизительно лет 10-12, закончился хорошо. Институт завоевал авторитет среди органов лесного хозяйства и местных организаций. Те материалы, которые были ис-

пользованы для разработки практических мероприятий в лесном хозяйстве, дали возможность говорить о том, что были созданы научные основы не только использования древесины, но и сохранения и восстановления лесов в условиях Сибири без смены пород.

Но вот спешка первых лет, когда от нас требовали буквально через год-полтора, после переезда в Красноярск отдачи в виде правил, наставлений, руководств и т.п., привела к тому, что богатейший экспедиционный материал, который был положен в основу проектирования лесохозяйственных мероприятий, полностью не был обработан и проанализирован. Получилось так, что мы выдвинули первые ряды нашей армии вперед, завоевали победу, а про тылы то забыли. А про тылы ни в коем случае забывать нельзя. Мне хотелось бы подчеркнуть, что и сейчас необработанные экспедиционные материалы во многих лабораториях не осмыслинны. И это будет задерживать дальнейшее развитие науки в нашем институте.

Возьмем, например, Н.П. В его лаборатории была проведена колоссальная работа. Вся, по сути, говоря, техническая документация, вся направленность лесохозяйственных мероприятий концентрировалась в этой лаборатории. Лаборатория несла ответственность за все то, что собиралось в поле другими лабораториями. Первое время все шло хорошо. А потом Н.П. почему-то перестал продуцировать. На решение хозяйственных вопросов он отвечал. Отвечал хорошо. Сводный отчет, который он сделал по Байкалу, признан лучшим в Сибирском отделении и в других правительственные кругах, где рассматривался отчет Сибирского отделения. А вот накопленный материал не реализован. Хорошо это или плохо. По-моему, плохо. Мы как скучные рыцари положили богатый материал в сундуки, и дело стало. Идем дальше и

часто даже не можем определить направленно, детально те или иные мероприятия, так как не знаем: какие имеем экспериментальные материалы, как они обработаны, что они дали новое, по сравнению с тем, что было.

А жизнь движется. В эти последние годы руководящими органами был поставлен вопрос об охране окружающей нас среды. Это проблема глобальная, ее нужно вести исключительно четко. Если мы выбьемся из общего русла направленности этого поиска во всем мире, то мы будем, несомненно, отставать. Итак, вопрос об охране окружающей среды – это первое.

Второе. Появилось что-то новое. Появились не те требования, к которым мы привыкли: рубки, ухода, рубки главного пользования, возобновление, интродукция, организация семенного хозяйства. Появились вопросы, в решении которых наш институт не может не участвовать. Это охрана окружающей среды, изучение экологических характеристик, которые помогают нам осмысливать весь тот материал, который мы собирали, и которым мы располагаем. Перестроились ли мы как следует, чтобы воспринять несколько другую направленность научных исследований, чтобы превратиться в академический институт в полном смысле слова, чтобы было движение вперед, разработка новых методических и методологических подходов, использование новой аппаратуры.

Появилась новая аппаратура, которой раньше мы, лесоводы, не располагали. Пока в этом отношении мы идем на переднем плане. Как пример, применение фотографических снимков, не только тех аэрофотоснимков, которые нам знакомы уже лет 20-30, а снимков, получаемых с космических аппаратов. Это совсем новые методы, позволяющие решать вопросы анализа имеющихся материалов. Может быть не очень удачно, но я приведу такое сравнение. Положение у нас примерно такое: от

микроскопа оптического мы должны перейти к электронному микроскопу. У нас электронный микроскоп в институте есть, а, образно говоря, в формировании «электронного мышления» в сборе материалов, их обработка для дачи рекомендаций по охране окружающей среды и развитию экологических исследований мы отстали. Почему отстали? Мне кажется, что мы отстали потому, что заведующие лабораториями отмахивались в первое время, будем прямо говорить, от новых методов, как от назойливой мухи. Не все, но многие. Между тем, если бы заведующие лабораториями считали свои лаборатории важными блоками. Ведь лаборатории – это блоки. Каждый блок имеет свою специфику. Но блок не работает, если его рассматривать односторонне, только как отдельный изолированный блок, все должны комплексироваться и четко представлять, что от чего зависит.

Примерно года три или даже четыре назад мы начали постепенную перестройку исследований. Под замкнутую тематику в лабораториях мы стараемся включать другие лаборатории для изучения больших комплексных вопросов. Пока что это идет более или менее удачно, но я говорю «пока», потому что еще не получилось того сдвига, который хотелось бы иметь: понимания необходимости комплексного исследования, поиска в соседней правой и левой руке, чтобы продолжать дальше поиск в ином качественном составе.

Сегодня роль заведующего должна быть понимаема несколько по-другому. Заведующий должен не только работать по тем вопросам, который он сам поставил. Заведующие, особенно ряда главных лабораторий, должны определять задачи комплексных тематик, которые должны решать и другие лаборатории.

Ну, в частности. Мы не институт почвоведения, но лесное почвоведение нам очень необходимо. Но как сей-

час работает лаборатория лесного почвоведения. Нужно прямо сказать, что при Н.В. она работала в основном на сельское хозяйство. Тесной смычки между лесоводами и почвоведами не было. Наши попытки вовлечь почвоведов в решение комплексных вопросов ведения хозяйства в байкальском бассейне закончились ничем. Или выдавали таких сотрудников, которые не могли там работать по своей специализации, или по дороге сотрудники терялись..., а после обнаруживались или на Братском стационаре, или вообще где-то в Ничке.

Тут вина, конечно, и тех лабораторий, на которые они должны были работать. Н.П. должен был энергично наступать на них, ставить перед ними определенные задачи и требовать то, что было нужно.

Это трудная перестройка. Перестраивать методы работы очень трудно. Помню еще в 1947 году во ВНИИЛХе, я делал попытку организовать комплексные исследования между лабораториями. Встретили в штыки: «это все погубит, специалисты будут деградировать»... Не удалось. Сейчас мы тоже начинаем применять новые методы со скрипом. Заведующие протестуют иногда против поездки на БАМ или на Байкал.

Заведующие, как отдел технического контроля, должны давать задания и проверять. Я наблюдал и выборочно проверял, как заведующие лабораториями читают отчеты других лабораторий, знакомы ли с ними? Убедился в том, что некоторые, а может быть и больше – многие, абсолютно не знают, что делается в соседней комнате. Правильно ли это? По-моему, нет! Заведующие должны быть центром, вокруг которого собираются и растут кристаллы. Вот этого, к сожалению, нет.

Третий вопрос. Кадры. Вот мы говорим, что у нас в этом отношении все благополучно. В последние годы сотрудники защитили 5 докторских диссертаций, всего

защитило диссертации 40 человек. А где смена? Ну, где смена? Я себе смену подготовил. Заместители мои не случайно появились в институте. Сейчас они справляются с заданиями. Роль руководителя заключается не только в том, что он выпустил 10 кандидатов и 5 докторов. А кто из этих 10 или 5 будет его сменять, когда подойдет время уйти на пенсию? Этого, к сожалению, нет. Вот такого направленного поиска, или привлечения со стороны, если нет у нас специалистов, нет. Этот вопрос обсуждался, когда приезжала комиссия ЦК по обследованию Сибирского отделения. Они так рассматривали. Вот первое поколение, самые старшие, столько-то докторов, вот второе поколение, которое может при любых катализмах стать заменой и позволит идти дальше. Не всегда создаются условия, чтобы человек стал хотя бы на ступеньку выше обычного старшего сотрудника. Как это сделать. По уставу – это обязанность дирекции, а подбор лаборантов – на совести заведующего. Недавно мы сидели и подсчитывали. Первое и второе поколение еще есть. На первом этапе сотрудники сами должны создавать себе имя, авторитет, но надо им помогать. Хороший руководитель должен заботиться о том, чтобы выдвигаемый им научный сотрудник, тем более в ранге старшего научного сотрудника, ощущал помощь. Хотите или не хотите, сейчас одному кустарю-одиночке не справиться со всеми этими вопросами. К сожалению, не у каждого заведующего есть понимание важности другой, научно организационной работы.

Вопрос о печатной продукции. Неплохо печатаются климатологи, гидрологи, лаборатория физиологии, хорошо работают пирологи: чтобы ни сделали, доводят до публикаций. Что за 18 лет дала лаборатория лесной типологии? Какой такой труд, от которого мы бы рот разинули «Во, молодцы какие». Ни замены нет, ни работ нет.

В.Н. 2 года назад обещал очерк о лесах Красноярского края. Коллектив в лаборатории хороший. Мы за неделю все сделали без участия заведующего. Рукописи лежат, обещали 40 печатных листов. Лежат на столе. Этот стол склоняется, а монографии не будет. Отсутствие печатных работ не украшает. Между тем, лаборатория типологии должна быть первой, с трудами которой должны знакомиться сотрудники и других лабораторий, чтобы сразу же, с первых дней направить работу таким образом, чтобы все, что накоплено в лаборатории типологии, было бы реализовано. Когда спрашиваешь, почему вы пользуетесь классификацией Крылова? Ответ: «А какой же нам пользоваться?» Ничего же другого нет. Используют классификацию не самую лучшую, но она опубликована, хорошая или плохая. А у нас ценный материал лежит.

Надо перестраиваться. Надо понимать, что сейчас одиночка или даже одна лаборатория много не сделают. Нужны новые идеи. Могут быть промахи. Их нужно исправлять всем коллективом, а не по коридорам недовольно жужжать. Этого не должно быть!

Связь с производством. Какие бы мы фундаментальные исследования не вели, надо всегда искать, что из этих фундаментальных исследований можно дать для практики. И вот тогда уже вы и весь коллектив, исполнители, работающие по крупной проблеме, находите то, что нужно давать производству. Нужно сразу принимать меры и общими усилиями следить; идет ли дело, или не идет. Потому, что часто бывает так: мы даем очень ценные предложения, в лучшем случае выпускаем их в виде инструкций, а в них мы иногда и не числимся. В инструкциях написано, что разрабатывало министерство, наши фамилии не указаны. Вот последний пример. То, что сделал сейчас Д.М. по

ландшафтам, все это уже «Леспроект» реализовал и выдает за свое. А работает по нашим планам на полигоне, где идет опытное лесоустройство, на основе наших данных. А мы уже там не числится.

На совещании в Новосибирске многие директора институтов задавали вопрос: «когда это все кончится? Мы находим что-то новое, в производстве неизвестное, нигде такого нет, ни на одном заводе. Нас встречают с распростертыми объятиями. Но как только мы наладим там работу, принимаются все меры, чтобы нас исключить, чтобы мы даже забыли про это дело».

У нас с этим тоже не легче, но это не значит, что нужно опускать руки. Надо находить контакт с производством. Многие из нас и находят. Вот Э.Н. находит такую связь. В лаборатории Н.П. тоже есть контакт, можно было бы больше, но связь с производством есть, их знают и в Министерстве, и в Госкомитете.

Вот смотрю на А.И. Не буду его трогать, пусть не волнуется докторскую пишет. Но ведь у него тоже завал материалов. Колossalную работу ведет, может быть за 7-8 управлений лесного хозяйства, областных и республиканских. Но продукции нет, которая должна являться основой его докторской диссертации. Тоже надо ему пересмотреть планы. Теперь вот географические посадки он делает. Производство располагает колоссальными средствами. Лесхозам дают деньги, которые они не знают куда деть. Планы создания лесных культур в Сибири большие и ненужные, так как возобновление идет естественным путем. Вот и надо лесхозы подключить к созданию опытных лесных культур. Денег, которые выделяются на культуры, полно. На эти деньги можно много сделать. Но для этого нужны организационные усилия...

Вот смотрю на Б.С. Экономисты должны подключаться на последнем этапе. Когда все сделано другими специалистами, экономисты должны все осмысливать, «переварить» и давать экономические расчеты, которые показали бы и помогли весомей оценить тот вклад, который делает коллектив института...

Мне хотелось высказать то, что считаю важным, что бы я пытался сделать с помощью коллектива, если бы не уходил. Надо всегда решать задачи с помощью коллектива. Если любой вопрос ставится заново, чем больше будет дискуссий, прений, тем скорее будет найден правильный путь, тем скорее будут исправляться ошибки, и в методических подходах, и в сроках, и в последовательности выполнения работ.

Уроки академика А.Б. Жукова

С Анатолием Борисовичем я не был лично знаком и не работал под его руководством, видел его на общих собраниях Красноярского академического сообщества и знал о нем, как о крупном ученом и организаторе Института леса и древесины. Когда спустя 11 лет после отъезда А.Б. Жукова в Москву, я стал сотрудником созданного им в Сибири академического института лесного профиля, многое о нем постоянно напоминало: и служебное здание, построенное по его инициативе, и мемориальная доска на нем, и сохранившаяся в основном структура института, экспедиционные базы, ядро научного коллектива, ведущего исследования в широком диапазоне лесобиологической науки. Чувствовалось, что он заложил прочные основы работы института. Это ощущение усилилось после знакомства с его анализом всего сделанного при нем и взглядом на будущие задачи института. Он четко обозначил начальный период, когда институт, после перебазирования из Москвы, интенсивно разрабатывал научные основы лесопользования, исследуя специфику лесообразовательного процесса в Сибири. Созданием нормативных документов, регламентирующих проведение основных работ в лесу, институт сразу же заявил о себе как об учреждении, тесно связанном с отраслью – лесным хозяйством.

Как директор академического института А.Б. Жуков, однако, понимал, что задачи коллектива намного шире. Он призывал интенсивно использовать добывшую

при проведении работ в лесах разных регионов Сибири научную информацию, чтобы достойно включиться в решение глобальных проблем, беспокоящих мировое сообщество. Один из первых он понял значение лесного покрова в биосфере Земли. Этому, бесспорно, способствовало активное участие института под его руководством в исследованиях Сибирского отделения, связанных с Байкалом. Анатолий Борисович напоминал, что работы с участием зарубежных коллег необходимо вести крайне ответственно, в русле основного поиска, не допуская отставания.

Истекшие годы показали, что научный коллектив института своевременно был подготовлен к участию в международных проектах совместно с зарубежными коллегами. Научные школы, сформировавшиеся в институте за предшествующий период, оказались востребованными мировым лесным сообществом. С 1992 года при институте функционирует Сибирский международный центр экологических исследований бореальных лесов, регулярно на базе института проводятся международные конференции, работы коллектива получили признание зарубежных специалистов.

Выдвигая новые задачи, отличные от усилий первого этапа работ в Сибири, Анатолий Борисович обращал внимание на разработку и использование новых методов исследований. Он с удовлетворением отмечал успехи института в использовании и интерпретации аэрокосмической информации, позволяющей по-новому оценить казалось бы обычные проблемы (лесные пожары, ландшафтная дифференциация лесного покрова и т.п.). Его призыв менять обычное мышление на «электронное», не потерял своей остроты и в наши дни. Так, обычными стали персональные компьютеры, но «электронного мышления», дающего возможность их полноценного

использования для анализа процессов моделирования, не достает и сегодня...

А.Б. Жуков, как это видно из его «итогового» выступления, умел последовательно усложнять задачу. Очень важным он считал кадровое обеспечение направлений исследований института. При этом он обращал внимание на подготовку, формирование лидеров, оказание им помощи на первых этапах роста, их «мужчайне» при выполнении важных комплексных исследований, воспитание способности повести научный коллектив за собой. Это трудная задача. Она совсем не идентична получению сотрудниками ученых степеней. Наличие лидера в подразделении не всегда ассоциируется с наличием остеиниенных сотрудников. К сожалению, этот урок Анатолия Борисовича, коллектив института усвоил недостаточно. В результате ряд научных направлений по мере старения лидера, становится слабым, а нередко и нежизнеспособным. А ведь четверть века назад предупреждал Анатолий Борисович, что роль руководителя заключается и в его подготовке себе смены, лидера научного направления на новом этапе. Решение этого вопроса стало особенно острым в наше время, когда ограничены возможности привлечения ученых, способных развивать важные научные направления, со стороны, особенно с других городов. Это еще больше заставляет думать о зарубежной подготовке научной смены.

В своем выступлении Анатолий Борисович затронул принципиальный вопрос о роли руководителей научных подразделений в решении комплексных задач, выполняемых институтом. Некоторые руководители замкнулись в рамках своей специальности и слабо представляют, чем живут их коллеги по институту. Чтобы облегчить всем сотрудникам эту задачу, институт, начиная с 1994 года, ежегодно тиражирует в необходимом коли-

честве отчет института, в котором представлены самые важные результаты всех научных подразделений. Работает также общеинститутский научный семинар. Между тем изолированность отдельных подразделений остается. Преодолеть ее можно лишь выполнением совместных задач, комплексных работ. В связи с этим напрашивается вопрос: оправдывают ли себя так называемые профильные лаборатории, ведущие исследования и готовящие кадры в узком диапазоне? А.Б. Жуков ставил вопрос о подключении ряда таких (профильных) лабораторий к лидирующему, отвечающему за решение крупной задачи. В этом направлении все чаще добровольно возникают коллективы сотрудников для выполнения междисциплинарных грантов, проектов под началом неформального лидера. Анатолий Борисович искал лучшие организационные формы проведения сложных исследований. Задача института в наше время продолжить этот поиск, в частности, оценить преимущества проблемных научных подразделений. Они уже начинают формироваться в институте. Новые принципы финансирования, выделение средств на достижение предсказуемого результата и решение четко сформулированных задач, заставляет продолжить поиск лучшей организации научного процесса, на важность которого прозорливо обращал внимание академик А.Б. Жуков.

Краткие сведения об авторах

Ваганов Евгений Александрович (р. 1948). Академик РАН, доктор биологических наук, профессор, директор (с 1994 г.) Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН.

Гительzon Иосиф Исаевич (р. 1928). Академик РАН, советник РАН, доктор биологических наук, профессор, директор Института биофизики СО АН СССР – РАН (1986-1996).

Зиганишин Рашид Асхатьевич (р. 1937). Доктор сельскохозяйственных наук, ведущий научный сотрудник, таксатор. Сотрудник института с 1962 г.

Исаев Александр Сергеевич (р. 1931). Академик РАН, доктор биологических наук, профессор, директор Центра по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН, сотрудник Института леса и древесины СО АН СССР (1960-1988), заместитель А.Б. Жукова в 1972-1977, директор института с 1977 г.

Коловский Радий Александрович (р. 1933). Кандидат биологических наук, с.н.с. Госзаповедника «Столбы», сотрудник института с 1959 по 1993 г.

Коропачинский Игорь Юрьевич (р. 1928). Академик РАН, советник Президиума РАН, доктор биологических наук, профессор, директор ЦСБС СО АН СССР - РАН (1983-1999), сотрудник Института леса и древесины СО АН СССР в 1960-1962 и 1976-1983.

Милютин Леонид Иосифович (р. 1931). Доктор биологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник. Сотрудник института с 1961 г. В 1968–1983 – ученый секретарь института.

Назимова Дина Ивановна (р. 1937). Доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, геоботаник. Сотрудница института с 1959 года.

Николаюк Владимир Андреевич (р. 1923). Кандидат сельскохозяйственных наук, заслуженный лесовод РФ. Первый заместитель Председателя Гослесхоза СССР (1960-1970).

Петренко Евгений Семенович (р. 1930). Кандидат биологических наук, с.н.с., сотрудник института с 1955 г. В 1973-1977 – заместитель А.Б. Жукова.

Побединский Аврамий Владимирович (р. 1913). Доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Заслуженный лесовод РФ, лауреат золотой медали им. Г.Ф. Морозова. Организатор и руководитель (1956-1966) лаборатории возобновления и развития леса в Институте леса и древесины СО АН СССР.

Савин Евгений Николаевич (р. 1921). Доктор сельскохозяйственных наук, профессор. Сотрудник института в 1953-2000 гг. Заведующий лабораторией защитного лесоразведения (1964-1988), начальник лесного отряда Комплексной советско-монгольской биологической экспедиции (1960-1980).

Седых Владимир Николаевич (р. 1935). Доктор биологических наук. Главный научный сотрудник, лесовод. Сотрудник института с 1975 года.

Семечкин Иван Васильевич (р. 1928). Доктор сельскохозяйственный наук, ведущий научный сотрудник. Сотрудник института с 1960 г. Заведующий лабораторией лесоустройства и лесной таксации (1968-1990).

Судачкова Нина Евгеньевна (р. 1936). Доктор биологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ. Главный научный сотрудник. Сотрудник института с 1960 г. Организатор и руководитель лаборатории биохимии древесных растений (1965-2002).

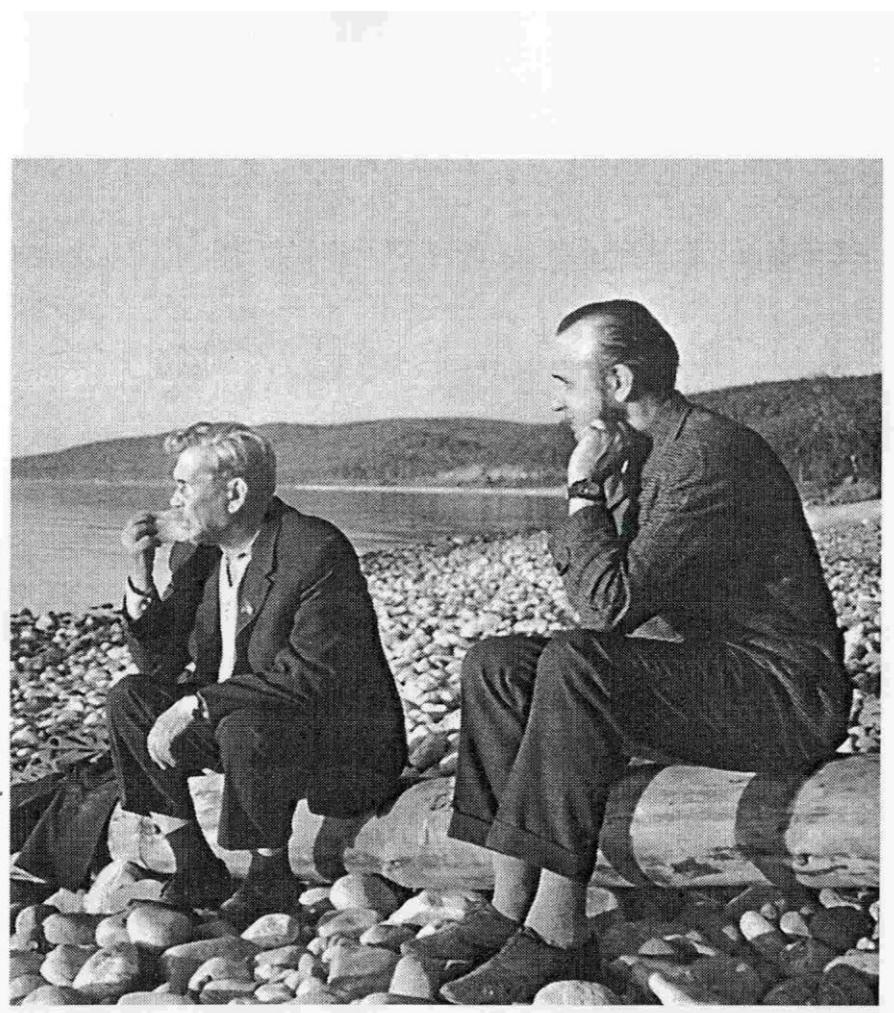

Владимир Николаевич Сукачев и Анатолий Борисович Жуков. С этими именами неразрывно связана история первого академического института лесного профиля.

Академик В.Н. Сукачев – основатель Института леса АН СССР (1944–58 гг.), академик А.Б. Жуков – организатор Института леса и древесины СО АН СССР (1959–77 гг.) в Красноярске.

Август 1959 г. Посещение А.Б. Жуковым Якутского стационара – единственного действующего стационара нового института. Долгое время здесь находился основной опорный пункт изучения лесов в зоне вечной мерзлоты.

А.Б. Жуков и Н.П. Поликарпов (заведующий лабораторией возобновления и развития леса) на берегу Байкала. Комплексные исследования лесов бассейна оз. Байкал – важный этап в истории института. Он завершился разработкой рекомендаций по ведению лесного хозяйства в регионе на водоохранно-защитной основе.

А.Б. Жуков часто принимал вместе с коллективом института участие в субботниках. Приведение в порядок одного из городских парков.

В президиуме Ученого совета института. Слева направо: Л.И. Милютин (ученый секретарь), А.Б. Жуков (председатель совета), А.С. Исаев (заместитель председателя). Заседание Ученого совета под председательством А.Б. Жукова – школа выработки коллективных решений.

В рабочем кабинете А.Б. Жуков всегда был гостеприимным хозяином.

Обсуждение лесных проблем с сотрудниками института в насаждениях красноярского Академгорода. Фото В. Новикова.

А.Б. Жуков регулярно совершал в выходные дни длительные прогулки в окрестных лесах.

Прогулки не зависели от времени года.

6 августа 2002 года. У мемориальной доски на здании Института леса им. В.Н. Сукачева бывшие заместители А.Б. Жукова – А.С. Исаев и Е.С. Петренко.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. С. Петренко.</i> Жизнь, посвященная лесному делу.....	3
<i>А. В. Побединский.</i> А.Б. Жуков – исследователь и организатор лесной науки.....	30
<i>А. С. Исаев.</i> Ученый – патриот.....	46
<i>И. Ю. Коропачинский.</i> А.Б. Жуков – организатор науки в Сибири.....	57
<i>И. И. Гительzon.</i> А.Б. Жуков глазами младшего современника.....	63
<i>В. А. Николаюк.</i> Патриарх лесной науки.....	70
<i>Р. А. Зиганшин.</i> Масштабный и добрый человек.....	75
<i>Р. А. Коловский.</i> Опекая по-отечески.....	83
<i>Л. И. Милютин.</i> Наставник в жизни и науке.....	89
<i>Д. И. Назимова.</i> А.Б. Жуков в моей судьбе.....	94
<i>Е. Н. Савин.</i> Крупный лесовод и прекрасный организатор.....	101
<i>В. Н. Седых.</i> А.Б. Жуков – харьковчанин.....	107
<i>И. В. Семечкин.</i> Мудрый воспитатель.....	113
<i>Н. Е. Судачкова.</i> Человек и ученый.....	122
Итоги и перспективы (выступление А.Б. Жукова на последнем Ученом совете перед отъездом в Москву).....	129
<i>Е. А. Ваганов.</i> Уроки академика А.Б. Жукова.....	138
Краткие сведения об авторах.....	142

**Академик
Анатолий Борисович
Жуков**
материалы к биографии, очерки,
воспоминания современников

Редактор-составитель Е. С. Петренко
Компьютерный набор А. В. Зеленовой
Рисунки художника В. А. Зеленова
Фото на обложке Р. И. Лоскутова

Сдано в набор 19.01.03. Подписано в печать 13.02.03.
Формат 60x84/16. Гарнитура Таймс. Уч. изд. л. 6.8.
Усл. печ. л. 9.6. Тираж 250. Заказ № 5.

Отпечатано в типографии Института физики СО РАН
660036, Красноярск, Академгородок.

Поправки

стр.	строка			Напечатано	Должно быть
		св.	сн.		
6	12			ужу	уже
20	9			Д.Л. Ландау	Л.Д. Ландау
32	4			и лесоустроительных	в лесоустроительных
38	11			общепринятого	общепризнанного
56	11			был его	был
103	4			с Дальневосточной	в Дальневосточной
135	11			их	из
143	10			1956-1966	1959-1966